И. АЙВАЗОВЪ.

Религіозныя скитанія русской интеллигенціи нашего времени.

Печатня А. И. Снегиревой Москва.
1913.

И. АЙВАЗОВЪ.

Религіозныя скитанія русской интеллигенціи нашего времени.

Печатня А. И. Снегиревой Москва.
1913.

Отдѣльн. оттискъ изъ журн. Голосъ Церкви за 1913 г.

Религіозныя скитанія русской интеллигенціи нашего времени.

I.

Зарябила поверхность русскаго моря... Послышался плескъ воды, мятежный ропотъ волнъ... Порывисто завылъ горячій вѣтеръ... Поплыли по небу тучи, — сплотились... Окуталъ землю мракъ... Сильнѣй сгустилась тьма... Сперся воздухъ, и стало душно...

Какъ знакома намъ эта картина! Какъ часто даритъ насъ ею жизнь верхней—„интеллигентной" Руси!

Еще когда Московское боярство съ его лишь особыми привиллегіями сходило съ исторической сцены, когда на Руси шла первая безпощадная ломка воспитанія,—передовая Русь, дворянская и ранговая, вступила на путь расхожденія съ простымъ народомъ въ пониманіи вопросовъ: общественныхъ, бытовыхъ и религіозно-нравственныхъ. Мощной рукой Преобразователя она повернулась лицомъ къ прорубленному на Западъ окну и подчинилась вліянію новыхъ вѣяній. Длинной вереницей прошли по ней чуждыя ей теченія и въ литературной, философской, политической и религіозной жизни ея воцарился хаосъ. Калифами на часъ у ней побывали: и ложный классицизмъ, и сентиментализмъ, и романтизмъ... Гостепріимно приняла она: энциклопедистовъ, идеалистовъ—творцовъ политическихъ доктринъ и туманныхъ идеаловъ съ „кипѣніемъ въ дѣйствіи пустомъ" и съ порывомъ „въ Наполеоны"..., эстетовъ—проповѣдниковъ объективно-мистической красоты и самоцѣнности искусства, вѣстниковъ абсолютной свободы, равенства и братства всѣхъ людей; затѣмъ позитивистовъ, матеріалистовъ, дарвинистовъ, марксистовъ и народниковъ... Параллельно этимъ теченіямъ въ религіозной жизни ея чередовались: то протестантскій ра-

ціонализмъ, то французское вольнодумство, то массонскій мистицизмъ, то крайній консерватизмъ (католичество), то снова либерализмъ и чистосектантскій мистицизмъ и, наконецъ, грубый атеизмъ...

На этой ступени своего религіознаго сознанія, обязанной сложившемуся направленію точныхъ, позитивныхъ наукъ, передовой человѣкъ развѣнчалъ себя: изъ существа съ орлинымъ полетомъ мысли онъ превратился въ крота, изъ царя природы въ ея раба, жестокимъ капризомъ слѣпой необходимости брошеннаго въ міръ, чтобы разыграть на сценѣ земли никому ненужную трагедію жизни! Вопросы о самомъ смыслѣ жизни: „зачѣмъ жить, бороться“?..—вопросы о моемъ „я“, о нравственномъ добрѣ и злѣ, о началѣ и концѣ вселенной... словомъ, все, на что не можетъ отвѣтить эмпирія, было осмѣяно и, по тактикѣ инсинуацій, объявлено „болотомъ реакціи“, преступной „мистикой“, дорогой въ „монастырь“!.. [1]) Предлагалось человѣку всецѣло погрузиться въ изслѣдованіе земли, созидать на землѣ царство „здороваго человѣка“ съ хорошимъ аппетитомъ и съ темпераментомъ работать и бороться, насаждать культуру плоти съ ея вѣчной заботой: „что́ есть? что́ пить? во что одѣться?“ и какъ собрать эти сокровища въ наивысшей степени ихъ качества и количества?.. Небесныя пространства съ ихъ безконечной глубиной и высотой терялись изъ виду... [2]) Метафизика объявлялась схоластикой и религія суевѣріемъ, пережитымъ человѣчествомъ!.. [3]) Душа погружалась въ сонъ но... не въ сонъ золотого вѣка, а въ сонъ мучительный, тревожный, отъ котораго человѣкъ просыпается какъ шальной, и, при мысли о которомъ, всѣмъ своимъ существомъ вздрагиваетъ. Переполненная чаша точныхъ наукъ была испита жаждущими до дна и, какъ послѣ морской ропы, у нихъ еще сильнѣе загорѣлось внутри и еще сильнѣе затомило ихъ жаждой! И они почувствовали, что все, что казалось имъ прежде и не такъ давно незыблемымъ, какъ-то изветшало, обезцвѣтилось, посѣрѣло и не вызываетъ въ душѣ ихъ былого порыва,

---

[1]) „Нов. Путь“. Мар., 86—104 стр.

[2]) Ар. Саббатье—„О безсм. души“, стр. 6.

[3]) Л. Толстой: „Что такое искусство“, М. 98 г., стр. 429 и „La Revue“ juin 1902 г.

богомольнаго благоговѣнія и желанія отдаться безъ размышленія, безъ „думы роковой“; что былые „властители думъ“ утратили былое обаяніе и ихъ имена ничего не возбуждаютъ въ душѣ; что „забылись“ завѣтныя слова, и ихъ старый вѣковѣчный смыслъ какъ-будто утратился и остался только звукъ пустой!.. [1]) И обуяла особенно чуткую сердцемъ молодежь „міровая скорбь“, и въ изнеможеніи она опустила руки: „куда мы летимъ? надъ чѣмъ повисли? что̀ съ нами будетъ? зачѣмъ жить?..“—изъ глубины истерзаннаго сердца завопила она и поняла, что отцы въ себѣ и въ дѣтяхъ „убили Бога“, но что дѣти безъ Него „такъ“—зря „жить не могутъ“, иначе они опустятся „на дно“ съ омерзеніемъ къ себѣ, къ жизни, ко всѣмъ [2]), или спасутъ себя отъ муки невѣдѣнія путемъ прекращенія жизни!..

Наступило время, полное нравственныхъ томленій и исканій вѣры и Бога. Обрисовалась мощная фигура гр. Л. Толстого. Раздалась громкая проповѣдь въ защиту нравственнаго смысла жизни людей и эта проповѣдь, въ связи съ литературною дѣятельностью великаго проницателя душъ Ѳ. Достоевскаго, до корней пошатнула господствовавшее матеріалистически позитивное воззрѣніе на человѣка, по которому нравственное чувство въ немъ признавалось лишь обязательнымъ и непосредственнымъ результатомъ его умственнаго развитія и не имѣло собственной цѣны. Но нравственная проповѣдь гр. Толстого оказалась лишенной живительной влаги, такъ какъ отрѣшена была отъ религіи—отъ ея догматовъ о Личномъ Богѣ, о личномъ безсмертіи человѣка и загробной жизни, и построена была не на Божественномъ или небесномъ идеалѣ чистоты и совершенства („будьте совершены, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“—Ев. Мѳ. 5, 48), а на внутреннемъ сознаніи человѣка, на началахъ психологическихъ и метафизическихъ. Высшій смыслъ жизни каждаго человѣка былъ найденъ гр. Толстымъ только въ земномъ счастіи или благѣ всего человѣчества: земля признана раемъ и „Царствомъ Божіимъ“—братское единеніе всѣхъ людей (идеалъ матеріально-евдемонистическій и соціально-коммунистическій). Личность-же отдѣльнаго чело-

---

[1]) „Міръ Божій“, Дек. 1902 г. А. Б.

[2]) „Нов. Путь“, Февр., 161 стр. и Янв. 155 стр.

вѣка получала чисто торговую цѣнность вещи, за которую цѣлымъ человѣчествомъ покупалось себѣ нѣкоторое благо жизни. А самъ человѣкъ на вѣки погружался въ холодный мракъ могилы съ печальной улыбкой на устахъ: „зачѣмъ *онъ* являлся въ свѣтъ? зачѣмъ *онъ* воспитанъ былъ землею? Развѣ для того только, чтобы кому-то, для него постороннему, доставить нѣкоторое счастіе жизни?!. Но и это общее благо жизни всего человѣчества не есть-ли „насъ возвышающій обманъ?!.“ Да и конецъ каждаго человѣка не есть-ли удѣлъ и всего человѣчества?!. Тогда небытіе не лучше ли бытія?!.“ Изнывала душа подъ давленіемъ жгучихъ вопросовъ... а смерть жестоко смѣялась надъ ней!.. Такъ Толстовское „царство Божіе“ съ его землистою моралью, переоцѣнивая всю культурную жизнь человѣка, бросало его въ объятія той глубокой древности, когда библейскій мудрецъ на могильномъ памятникѣ начерталъ: „блаженнѣе живыхъ и мертвыхъ тотъ, кто еще не существовалъ...“, ибо здѣсь „все—суета и томленіе духа“!..

Жгучіе вопросы сильнѣе сцѣпились и массой налегли на душу. Блеснула молнія... На мигъ проснулась потребность въ свѣтѣ. Начались поиски вѣчной, божественной санкціи для морали. Но затѣмъ опять воцарилась тьма. Любовь, положенная въ основу земного блага людей, была обоготворена, и вмѣсто Живого Бога явился безличный богъ—любовь, скованный все тѣми же цѣпями земли и отдѣленный отъ послѣдней лишь пустымъ звукомъ: „небесный Отецъ“!.. И, хотя стали говорить о чувствѣ божественнаго, о сознаніи тѣсной связи съ Богомъ, о блаженствѣ прибѣгать къ Небесному Отцу, но, какъ справедливо замѣчаетъ Каро, этотъ мистическій языкъ скрывалъ противорѣчіе. Многіе изъ употребляющихъ его писателей отказываются (хотя ихъ настоятельно просятъ объ этомъ) отвѣтить на слѣдующій простой вопросъ: этотъ Отецъ, Которому вы поклоняетесь, существуетъ ли въ дѣйствительности? Знаетъ ли Онъ васъ и любитъ ли васъ? и не есть ли самая непосредственная, самая простая, самая очевидная истина—та мысль, что для того, чтобы поклоняться (adorer), нужно вѣрить въ реальность того существа, къ Которому обращено наше поклоненіе (adoration), нужно вѣрить,—что есть Богъ, Который насъ

знаетъ, Который влечетъ къ Себѣ наше сердце и отвѣчаетъ ему взаимностью? Богъ не любящій не былъ бы достоинъ поклоненія. Поклоненіе есть не что иное, какъ высшая степень любви, а любовь не мыслима безъ взаимности. Нельзя обожать и поклоняться закону, какъ бы простъ и плодотворенъ онъ ни былъ; нельзя обожать слѣпую силу, какъ бы могущественна и универсальна она ни была, а также и абстрактный идеалъ—какъ бы чистъ онъ ни былъ. Мы обожаемъ Существо, Которое есть живое совершенство, совершенство реальности въ ея высшихъ формахъ [1]... Всякое другое поклоненіе и обожаніе есть или безсмыслица, или идолопоклонство.

Такъ историческое шатаніе религіозной мысли необходимо должно было перебросить мостъ къ старой и вѣковѣчной истинѣ—къ Богу живому, разумному и любящему. Сбывалось: „человѣкъ, дѣятельною любовію полюбившій, познаетъ и Личнаго Бога и личное безсмертіе“ (Ѳ. Достоевскій).

Заговорилъ В. С. Соловьевъ... и личная и соціальная правда жизни обосновалась на религіозномъ идеалѣ, и источникомъ истинной морали явился Личный Богъ—Христосъ. Раздался голосъ С. Н. Булгакова въ защиту идеаловъ В. С. Соловьева, въ защиту метафизики и вѣры, на которыя втихомолку опиралось точное знаніе, но которыя громко объявляло своимъ врагомъ [2]). Булгакову вторилъ Н. Бердяевъ [3])... По всѣмъ примѣтамъ: Демокритъ и Парменидъ сдавали мѣсто Анаксагору!..

Подъ знамя, выброшенное В. С. Соловьевымъ и двумя другими великими сынами православной Церкви—Гоголемъ и Достоевскимъ, видимо сплотилась, было, цѣлая дружина, и въ основаніе своихъ надеждъ, въ залогъ своего будущаго она положила постепенное раскрытіе и уясненіе для мятущихся новой религіозной мысли въ послѣдовательности-де именъ своей „родословной“: Гоголя, Достоевскаго и Со-

---

[1]) Каро: „Идеи Бога и безсм. души предъ судомъ новѣйш. критиковъ“. Хар. 98 г., стр. 545—546.

[2]) Рефератъ С. Н. Булгакова „О философ. воззрѣніяхъ В. Соловьева“,—см. „Нов. Путь“, Мар., стр. 71—104.

[3]) См. „Sub Specie aeternitatis“. Н. Бердяевъ. СПБ. 1907.

ловьева [2]), открылся „*Новый Путь*" въ религіозныхъ скитаніяхъ русской интеллигенціи.

Всѣмъ хорошо извѣстно, гдѣ мыслью и сердцемъ всегда пребывалъ „кладезь религіознаго и національно-русскаго міропониманія"—Ѳ. М. Достоевскій и куда, послѣ мучительныхъ скитаній, пришли Гоголь и Соловьевъ... Теперь посмотримъ, туда ли ведетъ „Новый Путь" и тамъ ли его конецъ, гдѣ въ Богѣ почила его „родословная".

II.

„Проклятые вопросы"!.. Какимъ тяжелымъ камнемъ они налегли на человѣка, какъ сильно сдавили его грудь въ своихъ тискахъ, какъ полонили всѣ его думы и погрузили его въ ужасный кошмаръ!.. Сколько разъ онъ рвался отъ нихъ на свободу, сколько разъ предавалъ ихъ поруганію; но.... какъ только собирался править надъ ними тризну, они снова воскресали и жестоко мстили ему за свой позоръ! И снова:

„Ночью надъ берегомъ бурнаго моря
Юноша грустный стоитъ.
Полонъ сомнѣній, съ тоскою на сердцѣ,
Такъ онъ волнамъ говоритъ:
О, разрѣшите мнѣ жизни загадку—
Вѣчно тревожный и страшный вопросъ...
. . . .
. . . .
Въ чемъ состоитъ существо человѣка,
Какъ онъ приходитъ, куда онъ идетъ,
Кто тамъ вверху, надъ звѣздами, живетъ"?..

Еще, кажется, никогда эти вопросы не ставились на Руси съ такою силою, какъ въ наше время. Длинный періодъ господства у насъ попиравшихъ вѣру кумировъ не одного скептика привелъ къ тому, что:

„Почуялъ духъ его смущенный,
Какъ много съ вѣрой потерялъ...

---

[1]) „Нов. Путь".—Янв., стр. 6-я.

Онъ безъ надежды остается,
Ему прибѣжища ужъ нѣтъ,
И сердцемъ онъ къ той безднѣ рвется,
Гдѣ міръ когда-то видѣлъ свѣтъ"...

И вотъ только вчерашніе скептики съ сильнымъ порывомъ сердца въ „*Новомъ Пути*" заговорили, что „осмѣянный отцами „мистицизмъ" есть единственный путь къ твердому и свѣтлому пониманію міра, жизни, себя"; что въ правдѣ о Богѣ, въ религіозномъ міропониманіи кроется разгадка всѣхъ терзающихъ душу „проклятыхъ вопросовъ" [1]).

Либеральный, позитивно-атеистическій храмъ далъ огромную трещину... Еще недавно на его фронтонѣ гордо красовалась надпись: „моя религія — религія интеллектуальной культуры" (Гамбетта); еще недавно массы съ восторгомъ поклонялись его кумирамъ и съ трепетнымъ сердцемъ внимали его рѣчамъ; еще недавно здѣсь раздавалась громкая и самоувѣренная проповѣдь, что образованный человѣкъ долженъ быть чуждъ всякаго суевѣрія или „религіи" и въ своей жизни долженъ руководиться лишь началами цивилизаціи, прогресса и прочихъ „стихій міра сего"; еще недавно здѣсь требовали, чтобы само христіанство на ряду съ другими „политическими учрежденіями" прилаживалось и жило въ мірѣ „съ мудростью міра", и поносили православіе, какъ „убѣжденіе убогихъ старушекъ Бѣлокаменной", какъ „осужденный исторіей византизмъ"! И вдругъ изъ среды доселѣ покорныхъ слушателей раздался громкій протестъ, и храмъ треснулъ, и часть его отвалилась... Съ яростью индійскаго факира и съ грубой слѣпотою фетишиста заядлые либералы— творцы кумировъ и золотыхъ тельцовъ для обольщенной ихъ пустословіемъ толпы--набросились на „повернувшихъ" въ сторону отъ нихъ, и, вмѣсто честнаго спора съ ними, прибѣгли къ жалкой тактикѣ инсинуацій, клеймя „новопутейцевъ" страшными для людей вѣка сего словцами!.. Такъ проявили себя либеральныя души, висящія подобно обвислымъ, грязнымъ тряпкамъ..., хилыя и больныя общественнымъ мнѣніемъ!..

Иначе, казалось бы, должны были отнестись къ „Новому Пути" проповѣдники религіознаго міросозерцанія, борцы за

---

[1]) „Новый Путь".—Январь, стр. 5—6.

право человѣка вѣрить въ Бога и въ этой вѣрѣ находить единственный путь къ рѣшенію міровыхъ проблемъ. Но и здѣсь „Новый Путь“ былъ встрѣченъ далеко недружелюбно! Болѣе того, раздались голоса, признавшіе „Новый Путь“ за „путь сатанинскій“ и „новопутейцевъ“—за „послѣдователей Л. Толстого“, отвергающихъ Христа, Церковь, таинства, іерархію.

Всматриваемся въ „Новый Путь“ и невольно приходимъ къ заключенію, что послѣдняго рода сужденія о немъ были вызваны царящей у его творцовъ *принципіальной хаотичностью.* Въ самомъ дѣлѣ, редакціонное предисловіе въ № 1-мъ журнала, получившаго отъ имени новаго движенія и названіе „Новый Путь“, до того темно, неопредѣленно, до того въ немъ все высказано обще, что съ достовѣрностью можно было заключить лишь объ одномъ,—что „Новый Путь“ будетъ стоять „на почвѣ религіознаго міропониманія“... Но какъ этого мало для людей вѣры! Невольно приходили на мысль тьмы религіозныхъ лжеистинъ... Возникалъ вопросъ, куда поведетъ „Новый Путь?“ Обѣщаніе редакціи обратить свою мысль въ сторону: Гоголя, Достоевскаго и Вл. Соловьева не разрѣшало вопроса, такъ какъ особенно въ наши дни принято безцеремонно эксплоатировать имена великихъ писателей для прикрытія нерѣдко совершенно чуждыхъ имъ идей!.. Выходящія же книжки журнала давали мало матеріала для сужденій объ его направленіи. Приходилось искать отвѣта въ трудахъ столповъ „Новаго Пути“... Но здѣсь-то и царилъ „хаосъ“... И не только для читателей былъ теменъ „Новый Путь“, но и въ средѣ главныхъ сотрудниковъ самого „Новаго Пути“ вскорѣ явилось разномысліе, вызвавшее редакціонную „необходимую поправку“ къ фельетону г. Розанова“ [1]), Тогда „новопутейцы“ in corpore нѣсколько приподняли завѣсу и заявили: „вся дѣятельность главнѣйшихъ сотрудниковъ „Новаго Пути“ (напр., изслѣдованіе Д. С. Мережковскаго: „Л. Толстой и Достоевскій“) свидѣтельствуетъ въ достаточной мѣрѣ о томъ, что они никогда не были „послѣдователями Толстого“. Точно также всѣ остальныя обвиненія (въ атеизмѣ и невѣріи во Христа, въ непризнаніи христіанства за абсолютную истину) могли возник-

---

[1]) „Нов. Путь“, Апр., стр. 208.

путь только вслѣдствіе совершеннаго незнакомства съ дѣятельностью главныхъ сотрудниковъ журнала, съ его программой, направленіемъ и содержаніемъ“ [1]).

Мы охотно вѣримъ этой исповѣди „Новаго Пути“. Въ ней много сказано и для намѣченной нами цѣли. Зная, что „новопутейцы“ не—„послѣдователи Толстого“ и не- „атеисты“, а люди, вѣрующіе во Христа и признающіе христіанство за „абсолютную истину“, мы сосредоточимъ свое вниманіе на ихъ ученіи о Христѣ и христіанствѣ, и на согласіи этого ученія съ воззрѣніями православной Церкви.

Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Д. С. Мережковскій пишетъ: „современному европейскому человѣчеству предстоитъ неминуемый выборъ одного изъ трехъ путей: первый—окончательное выздоровленіе отъ болѣзни, которую людямъ пришлось бы назвать въ такомъ случаѣ „Богомъ“, выздоровленіе въ пошлости большей, чѣмъ современная, потому что теперь все-таки они еще страдаютъ; вѣдь даже и такой лакей, какъ Смердяковъ, въ концѣ-концовъ не выдержалъ, повѣсился; окончательное же позитивное выздоровленіе отъ „Бога“ возможно лишь въ совершенной, нынѣ только смутно предчувствуемой, пошлости соціальной вавилонской башни, всечеловѣческаго „муравейника“; второй путь—гибель отъ этой же болѣзни въ окончательномъ упадкѣ, вырожденіи, „декадентствѣ“, въ безуміи Ницше и Кириллова, проповѣдниковъ Человѣкобога, который будто бы уничтожитъ Богочеловѣка; и, наконецъ, третій путь — религія послѣдняго великаго соединенія, великаго символа, религія Второго уже не тайнаго, скрытаго, какъ Первое, а явнаго пришествія въ силѣ и славѣ,—религія Конца“ [2]).

---

[1]) „Нов. Путь“, Апр., стр. 169.

[2]) „Л. Толстой и Достоевскій“.—Оттискъ изъ журнала „Міръ Искусства“ за 1900 г. ч. I и II, стр. 170.—Подъ „Вторымъ Пришествіемъ“ здѣсь разумѣется „Царство Духа, грядущее послѣ царства Сына“ (Ев. Iн. 16, 12—14)...—Однако, нельзя находить различіе между „Царствомъ Сына“ и Царствомъ Духа“, какъ это дѣлаетъ Мережковскій (170—171 стр.), такъ какъ „Царство Духа“ есть собственно продолженіе „Царства Христова“, ибо и Христосъ сказалъ, что „Духъ *не отъ Себя* говорить будетъ, а *отъ Моего* возьметъ“, и что „Царство Духа“ есть лишь служеніе „свидѣтельства о *Христѣ*“ (Ев. Iн. 15, 26; 16, 13—14). Посему и „Второе Пришествіе

Нѣтъ сомнѣній, что „третій путь“ и есть собственно „*Новый Путь*“. Но что же это за „*Религія Конца?*“

На это намъ отвѣчаетъ Мережковскій приблизительно такъ: древнѣйшія многовѣковыя культуры—арійская (древнегреческая) и семитская (іудейская)—задумались надъ тайной „Божьей твари“, надъ „единствомъ внѣшняго, стихійнаго, и внутренняго, духовнаго, до—и сверхъ—животнаго міра“. И въ то время, какъ арійцы съ безпечною легкостью ***символизировали*** или ***соединили*** божеское, духовное съ животнымъ и даже растительнымъ, и притомъ такъ, что въ Великомъ Панѣ съ Козломъ, въ Ледѣ съ Лебедемъ, въ Дафнэ съ Лавромъ трудно было отдѣлить божеское отъ животнаго и растительнаго,—крошечное племя семитовъ во всей многообразной языческой плоти увидѣло лишь бездушное тѣло, лишь „мясо“, годное для кровавыхъ жертвъ и всесожженій Единому Богу Израиля. Этимъ ядомъ отреченія или умерщвленія плоти, ядомъ уединенія въ страшной духовной пустынѣ и почитанія лишь „чистаго духа“, всего безкровнаго и *безплотнаго*, іудейство заразило и поздній эллинизмъ, когда столкнулось съ нимъ въ школѣ Александрійскихъ неоплатониковъ, неопиѳагорейцевъ, гностиковъ,—иначе въ томъ горнилѣ, гдѣ образовался сплавъ, именуемый „христіанскою мудростью“. Только что хлынувшія изъ Азіи въ Европу новыя арійскія племена съ дѣтскою простотой приняли утонченнѣйшій и опаснѣйшій плодъ двухъ соединенныхъ и уже истощенныхъ культуръ. Посему въ христіанствѣ ихъ поражала, плѣняла, какъ плѣняетъ ужасъ, притягивала, какъ притягиваетъ бездна, именно та сторона его, которая была наиболѣе чуждою и противоположною ихъ собственной природѣ,—сторона исключительно семитская: добродѣтель, какъ умерщвленіе плоти, какъ отреченіе отъ міра, какъ уединеніе въ страшной духовной пустынѣ, на вершинѣ тѣхъ столбовъ, на которыхъ кочевали столпники,—взглядъ на собственное тѣло, какъ на нѣчто неискупимо-грѣшное, звѣрское, скотское, взглядъ на всю животную стихійную природу, изъ которой

есть въ сущности „Первое Пришествіе“, или „Первое Царство *Христа*“, Который былъ, есть *и будетъ*, а не только „былъ и есть“, какъ думаетъ Мережковскій, относя „*будетъ*“ къ Царству Духа“.

они сами только что вышли и которую все еще слишкомъ любили,—какъ на порожденіе дьявола.

Между тѣмъ въ глубинѣ семитства,—въ Лицѣ Мессіи—Христа, совершился перевалъ къ Арійству—отъ выжженной мертвой пустыни Израиля, гдѣ дымятся лишь остатки жертвъ, къ цвѣтущему Божьему саду, новому раю, гдѣ—виноградныя лозы и птицы, и колосья и бѣлыя лиліи, и бѣлые голуби рядомъ съ мудрыми змѣями,—вся многообразная многоязычная „Божья тварь",—все живое и растительное,—словомъ, поворотъ отъ умерщвленія плоти къ *воскресенію плоти*... Какъ-будто два противоположные генія міровой культуры,—духъ семитскій и арійскій, духъ смерти и жизни, сквозь вѣка и народы тяготѣли, стремились другъ къ другу и, наконецъ, вдругъ встрѣтились, какъ два полюса, двѣ половины, два *пола* міра, для какого-то послѣдняго сліянія, соединенія—символа...

Но древній чистый духъ семитства, воплотившись въ Іудѣ, не принялъ такого Мессіи, не принялъ, потому что не понялъ Сына Человѣческаго. Другіе приняли, но тоже не поняли, что Плоть и Кровь можетъ быть Духомъ и Словомъ. Господь претворилъ воду въ вино и вино въ кровь. Не обратно-ли претворяются въ послѣдующіе вѣка „аскетическаго" христіанства кровь въ вино и вино въ воду, святое Тѣло—въ безтѣлесную святость, духовная Плоть—въ безплотную духовность, воскресеніе Плоти — въ умерщвленіе плоти? Не совершается-ли здѣсь второе предательство, равное первому? И вслѣдствіе этого предательства, не теменъ-ли донынѣ сокровенный Ликъ подъ явнымъ?.. Послѣдняя, страшная и „*соблазняющая*" тайна Величайшаго Символа изъ всѣхъ, какіе были, есть и будутъ у человѣчества,—тайна соединенія Духа и Слова съ Плотью и Кровью—не остается-ли все еще неразгаданною?.." [1]).

Бросая свой взоръ въ прошлое христіанства, Мережковскій съ прискорбіемъ утверждаетъ, что „старое", „историческое", „византійское", скопческое", аскетическое", и „прелюбодѣйное" (?!!) христіанство обезплотило Христа, отвергло въ человѣкѣ плоть,—„смело съ земли, развѣяло пустыннымъ

---

[1]) См. соч. Л. Толстой и Достоевскій.—Оттискъ изъ журн.: „Міръ Искусства" за 1900 г. ч. I и II, стр. 120—122; 127—128; 131.

вѣтромъ",—признало, что не какая-либо часть или свойство плоти, земли, любви къ себѣ, а вся плоть въ существѣ своемъ, какъ мистическое начало, противоположна другому началу, какъ зло—добру, вѣчное да—вѣчному нѣтъ, какъ проклятое, бѣсовское — святому, божескому, что здоровье тѣла—состояніе скотское, что „жить въ Богѣ значитъ жить внѣ самаго тѣла", что святость значитъ безтѣлесность, безплотность, что духъ противоположенъ плоти, какъ вѣчное добро — вѣчному злу... Отсюда — де и выводъ: „не любите міра, ни того, что въ мірѣ; кто любитъ міръ, въ томъ нѣтъ любви Отчей; ибо все, что въ мірѣ—похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть отъ Отца, но отъ міра сего.—Весь міръ лежитъ во злѣ". Міръ есть отрицаніе Бога; Богъ есть отрицаніе міра—не какой-либо части міра, а міра, какъ цѣлаго, какъ опять-таки абсолютной сущности [1]). Такъ Духъ Семитства пронесся, какъ огненный вихрь, надъ всею европейскою культурою, изсушая послѣдніе цвѣты и плоды греко-римской древности,—до самаго Возрожденія, гдѣ, повидимому, онъ изнемогъ. Въ эпоху Итальянскаго Возрожденія „волшебный демонъ" Микель Анджело впервые съ небывалою смѣлостью обнажилъ человѣческую плоть отъ тысячелѣтняго христіанскаго покрова, впервые снова, послѣ древнихъ, заглянулъ въ бездну плоти и пробудилъ вѣчно юную арійскую думу о соединеніи божескаго и звѣрскаго, „о Божьей твари", о „Богѣ — Звѣрѣ"... Немного ранѣе Анджело, другой „идолъ" Возрожденія—Леонардо-да-Винчи заглянулъ въ противоположную и равную бездну духа. Но какъ у Анджело плоть не стала духомъ, такъ у Леонардо духъ не воплотился и остался безплотнымъ и безкровнымъ. Попытка Рафаэля соединить двѣ бездны—Анджело и Леонардо—не удалась: вмѣсто единства получилось—„и нашимъ и вашимъ", такъ какъ Рафаэль захотѣлъ быть художникомъ и религіозную идею принесъ въ жертву „чистому искусству". Возрожденіе „не удалось!".

Въ наше время духъ Возрожденія съ необычайной силой пробудился въ Л. Толстомъ и Достоевскомъ. Первый снова дерзнулъ обнажить человѣческое тѣло отъ всѣхъ куль-

---

[1]) См. тамъ-же, стр. 131 и еще Т. II. Стр. 484, 493 и „Нов. Путь" Мартъ—стр. 123—124; 140—141.

турно-историческихъ покрововъ, снова заглянулъ въ бездну плоти,—второй обнажилъ внутреннюю бездну, бездну духа. Первый, какъ тайновидецъ плоти, стремится къ одухотворенію плоти,—второй, какъ тайновидецъ духа, стремится къ воплощенію духа. И тотъ и другой въ своемъ сознаніи лишь раздвоили и углубили то, что стихійно и безсознательно соединялось въ Пушкинѣ,—этомъ русскомъ Рафаэлѣ. Но если религіозное созерцаніе Плоти у Толстого—*тезисъ*, религіозное созерцаніе Духа у Достоевскаго—*антитезисъ* русской культуры, то не слѣдуетъ-ли заключить, по закону „діалектическаго развитія", о неизбѣжности и русскаго *синтеза*, который по своему значенію будетъ въ то же время всемірнымъ, о неизбѣжности послѣдняго и окончательнаго Соединенія, Символа, высшей, чѣмъ у Пушкина, потому что болѣе глубокой, религіозной, болѣе сознательной гармоніи?..[1]).

„Тайна Воскресенія Плоти не открывается въ нынѣшнемъ христіанствѣ, говоритъ Д. Мережковскій [2]); еще сохраняется въ немъ старая семитическая религіозная закваска—это почитаніе „чистаго духа", всего отвлеченно-духовнаго, безкровнаго и *безплотнаго*, этотъ взглядъ на животную природу, если уже не какъ на нѣчто грѣшное, дьявольское, то все же унизительное, скотское, и, наконецъ, этотъ столь чуждый древнѣйшему арійству, столь чисто-семитскій страхъ передъ непокрытымъ тѣломъ, передъ наготою, какъ передъ чѣмъ-то постыднымъ, прелюбодѣйнымъ, оскверняющимъ [3]). Открытіе этой тайны—тайны Воскресенія Плоти—предстоитъ лишь будущему, воистину „новому вселенскому христіанству";—въ немъ высшій *синтезъ*, *соединеніе*, *равновѣсіе* двухъ началъ—плотскаго и духовнаго, человѣческаго и божескаго, земного и небеснаго....[4]) Здѣсь, въ этой соединяющей *символической* глубинѣ религіознаго содержанія,—животное въ человѣкѣ столь же свято и небесно, какъ духовное, такъ что плоть и духъ только въ своихъ видимостяхъ, только въ

---

[1]) „Л. Толст. и Достоев." 1900 г. ч. I и II, стр. 171—179.

[2]) „Новый Путь" Мар. стр. 144.

[3]) „Л. Толст. и Дост." 1900 г. стр. 121—122.—Въ этомъ Мережковскій видитъ, между прочимъ, застарѣлую дурную привычку „лже-христіанства" или „павліанства" (?!)—см. тамъ-же стр. 59.

[4]) „Нов. Путь", Мар. стр. 123, 145.

явленіяхъ—противоположны, но въ послѣдней, потусторонней сущности—едины. Здѣсь открывается „святость всякаго тѣла, духовность всякой плоти", не только безплотная святость, но и *святая плоть*, переходъ человѣческаго въ божеское не только чрезъ духовное, но и чрезъ животное. Здѣсь небо и земля имѣютъ свои идеалы, подобно тому, какъ „плоть" имѣетъ значеніе самостоятельное, а не подчиненное по отношенію къ духу: бездна нижняя или „небо внизу" и бездна верхняя—„небо вверху"—равноправны, равны и окончательно соединяются въ „Религіи Конца" [1]).

Начало этой „Религіи", начало „*Святой плоти*" Мережковскій видитъ въ *искусствѣ*. Если, говоритъ онъ, сущность „историческаго христіанства въ умерщвленіи плоти, безплотной духовности, то и искусство въ немъ не можетъ быть святымъ въ христіанскомъ смыслѣ, потому что всякій художественный образъ есть все-таки не безплотная духовность, а одухотворенная плоть или воплощенный духъ [2]). Но въ „Религіи Конца" искусство есть начало „*Святой плоти*" и потому свято и притомъ свято не собственной святостью, а святостью *религіи*, которой оно служитъ. Врагъ Рафаэля и особенно Пьетро Аретино, который признаваль „*искусство не для религіи, а какъ религію*, безбожную религію наслажденія—„искусство для искусства" [3]), Мережковскій, а за нимъ и всѣ „новопутейцы", съ особенной настойчивостью твердятъ, что вся роскошь міра—всѣ блага культуры, научно философской мысли, искусства, литературы и т. п. должны быть внесены за ограду религіи и тамъ освящены религіозной истиной [4]). „Нельзя пользоваться благами культуры, пишетъ Минскій, крадучись урывомъ, прячась отъ собственной совѣсти. Мы хотимъ пользоваться откровенно роскошью міра, роскошью искусства, роскошью науки. Культурное общество хочетъ жить освященной жизнью и приходитъ къ церкви, какъ къ источнику святости, не съ тѣмъ, чтобы отречься отъ плодовъ культуры, а съ тѣмъ, чтобы освятить ихъ" [5]).

---

[1]) „Л. Толст. и Дост. 1900 г. ч. I и II, стр. 59, 122, 131; „Нов. Путь" янв.—„Записки религ.-философ. собраній"—стр. 32.

[2]) „Новый Путь" Мар. стр. 143—144.

[3]) „Л. Толст. и Дост." 1900 г. стр. 171—172.

[4]) „Новый Путь" янв. стр. 25.

[5]) „Новый Путь" февр. „Записки религ.-филос. собр." стр. 111.

Мы не хотимъ отрекаться, какъ того требуетъ „историческое“ христіанство, отъ любви къ жизни, къ искусству, къ знанію, къ нашимъ вѣрнымъ учителямъ — Пушкину, Достоевскому, Гоголю,—говоритъ Философовъ, а хотимъ освятить ихъ въ Церкви, хотимъ сознательнаго принятія Церковью земли, какъ неба [1]).

Таковъ компендій „Новаго Вселенскаго Христіанства“ или „Религіи Конца“, предлагаемой русскими людьми „новаго“ религіознаго сознанія или „новаго пути“ Православной Церкви, отъ которой они ждутъ себѣ „дѣятельной, положительной помощи и благословенія“ [2])...

III.

Глубоко неправъ г. Мережковскій въ своей оцѣнкѣ духа семитской—іудейской культуры. Нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что іудей, въ противовѣсъ арійцу—древне греку, смотрѣлъ на собственное тѣло, какъ на нѣчто неискупимо—грѣшное, звѣрское, скотское; на всю многообразную языческую плоть (на всѣ племена и языки), какъ на бездушное тѣло или мясо, годное лишь для кровавыхъ жертвъ Богу Израиля; на всю животную стихійную природу, какъ на порожденіе діавола; на всю вообще плоть, какъ на проклятое, бѣсовское, противоположное духовному или божескому и, наконецъ,—на весь міръ, какъ на отрицаніе Бога, и на Бога—какъ на отрицаніе всего міра...

Не знаю, сознательно или случайно, но только этотъ фундаментъ, на которомъ Мережковскій построилъ свое обвине-

---

[1]) „Новый Путь“ янв.—„Записки рел.-фил. собр.“ стр. 40—42.

[2]) Къ сожалѣнію, на основѣ этой „Религіи Конца“, безъ всякой критической оцѣнки ея, создалось у насъ среди пастырей Церкви такъ называемое „*обновленческое движеніе*“, достигшее затѣмъ крайне уродливыхъ формъ и проявленій. Такъ, „обновленцы“ въ рясахъ сопричислили св. равноапостольнаго Кн. Владиміра „къ язычникамъ“ и признали крещеніе при немъ русскихъ „не дѣйственнымъ“; самое православіе они объявили „историческимъ пережиткомъ“ и даже „языческимъ“, только съ христіанской терминологіей, требовали оставить названіе „православіе“ и пр. (Цер. Общ. Жизнь“ 1906. № 38. 1907 г. № 13.—„Нов. Вр.“ № 11786 и др.). И все это у нихъ какъ-то „обновленчески“ сживалось съ жаждою отъ „православія“ наградъ и „хлѣбныхъ“ мѣстъ!..

ніе „историческаго“ христіанства, былъ взорванъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ того же „*Новаго Пути*“!.. Въ статьѣ г. Розанова: „чувство солнца и растеній у древнихъ евреевъ“— читаемъ: „между іудеемъ и эллиномъ, іудаизмомъ и эллинизмомъ была разница въ нѣкоторыхъ характерностяхъ, въ „акцентѣ“ религіозномъ; но разницы, такъ сказать, въ самомъ языкѣ религіи, въ ея душѣ — не было“. И въ іудействѣ г. Розановъ находитъ „много природы“, видитъ „таинственное съ природой кохованье“ и притомъ съ природой, текущей „вслѣдъ Господу“, какъ Его „воскрилія“, открываетъ священныя изображенія херувимовъ, и „лики святыхъ деревъ“, и даже пріобщенный къ вѣрѣ „языкъ цвѣтовъ и плодовъ“, усматриваетъ „до излишества святое отношеніе къ тварямъ“ и свѣтиламъ небеснымъ, и вообще сліяніе съ „избраннымъ народомъ“ всей природы: растительной и животной и, наконецъ, общія у іудеевъ и эллиновъ моленія и жертвы въ *Іерусалимскомъ* храмѣ... Такъ что весь міръ въ іудействѣ является „Лицомъ Божіимъ“ [1])...

И мы полагаемъ, что если г. Розановъ не во всемъ здѣсь правъ [2]), то во всякомъ случаѣ онъ совершенно правъ въ своемъ полномъ отрицаніи взгляда г. Мережковскаго на духъ семитской—іудейской культуры.

Въ самомъ дѣлѣ, уже на первыхъ страницахъ религіозно-бытоваго кодекса еврейскаго народа—библіи читаемъ, что весь міръ—„небо и земля и все воинство ихъ“: и свѣтъ и тьма, и всѣ свѣтила небесныя, и все царство водное—рыбы большія и всякая душа животныхъ пресмыкающихся, и вся зелень земная, и всѣ скоты, и гады, и звѣри земные, и

---

[1]) „Новый Путь“ мартъ, стр. 162—171.

[2]) Въ отсутствіи разницы въ „душѣ“ религіи іудейской и эллинской мы отнюдь не можемъ согласиться съ г. Розановымъ!.. Сверхъ этого, замѣтимъ, что напрасно г. Розановъ совершенно справедливую мысль о религіозной связи іудея съ природой основываетъ на тѣхъ мѣстахъ св. Писанія, которыя осуждаютъ ненормальныя проявленія этой связи, какъ, напримѣръ: *Іова* 31 гл. ст. 26—27 и особ. 28 ст., который слѣдовало-бы прочитать;—*Іезек.* 8, 16, 17 ст., гдѣ надо было прочесть и ст. 18. Въ библіи нѣтъ недостатка въ мѣстахъ, санкціонирующихъ связь іудея съ природой, и ихъ то и слѣдовало привести. Въ противномъ случаѣ, при методѣ г. Розанова, можно обвинить религію Израиля и въ сослуженіи языческимъ „богамъ“!..

птицы небесныя и, наконецъ, человѣкъ,—были „совершенны“ или „созданы *Богомъ*“, и что все „это *хорошо* и *хорошо весьма*“. Въ частности, тамъ-же говорится, что именно *Богъ* взялъ „одно изъ *реберъ*“ человѣка и „закрылъ то мѣсто *плотью*“, а *изъ ребра* создалъ жену и привелъ ее къ человѣку и *человѣкъ* сказалъ: „вотъ, это *кость отъ костей* моихъ и *плоть отъ плоти* моей; потому оставитъ человѣкъ отца своего и мать свою и прилѣпится къ женѣ своей; и будутъ (два) *одна плоть*“. И были, заключаетъ бытописатель, оба *наги*, Адамъ и жена его, *и не стыдились*. Далѣе, тамъ-же говорится, что человѣкъ былъ сотворенъ *по образу* и *подобію Божію* и что между нимъ, — а слѣдовательно чрезъ него и между *Богомъ*,—и всею землею со всѣмъ ея „воинствомъ“ установлена Творцомъ тѣсная связь—связь „обладанія, воздѣланія, храненія и владычества надъ всею землею“ [1]).

Гдѣ же тутъ „умерщвленіе плоти“, ея „проклятіе“, ея „бѣсовское происхожденіе“?!. Гдѣ „страхъ предъ наготою тѣла, какъ предъ чѣмъ-то постыднымъ, прелюбодѣйнымъ и оскверняющимъ“?! [2]). Гдѣ отрицаніе „божескаго“ въ животномъ и растительномъ царствѣ?! Гдѣ отсутствіе связи между человѣкомъ и остальнымъ міромъ?! Гдѣ, наконецъ, отрицаніе Богомъ міра, гдѣ міръ, какъ отрицаніе Бога?!. Развѣ не безпредѣльное уваженіе человѣка къ своей плоти и притомъ къ плоти обнаженной,—не таинственно божественную связь между всѣмъ міромъ и человѣкомъ, а чрезъ послѣдняго и съ Богомъ,—не міръ, какъ утвержденіе Бога и не Бога, какъ Творца міра, во всемъ разнообразіи его плоти, возвѣщаютъ уже первыя главы книги Бытія, когда рисуютъ изначальный или идеальный міропорядокъ.

Ну, а далѣе? Подъ вліяніемъ злобно-разумной силы человѣкъ познаетъ зло, — въ немъ появляется „похоть плоти, очесъ и гордость житейская“ [3])... Тогда-то онъ впервые узнаетъ, что „нагъ“ и, убоявшись своей наготы, спѣшитъ скрыть ее подъ смоковнымъ опоясаніемъ (Быт. 3, 7 — 11). За этимъ первымъ нарушеніемъ міровой гармоніи идутъ другія. Жена изъ помощницы мужу превращается какъ бы въ рабу его; ея половыя отношенія къ нему извращаются: „умножая

---

[1]) „Бытія“ 1, 25, 26, 28, 31; 2, 1, 5, 7, 15, 19, 21, 22.
[2]) „Л. Толст. и Достоев.“ 1900 г. ч. I и II, стр. 122.
[3]) „Бытія“ 3, 4, 6, сравн. съ 1 Іоан. 2, 16.

умножу скорбь твою въ беременности твоей: въ болѣзни будешь рождать дѣтей; и *къ мужу* твоему *влеченіе твое*, и онъ будетъ *господствовать* надъ тобою" (Быт. 3, 16). Мужъ обрекается на скорбный трудъ... Появляется смерть... Проклинается *земля* за грѣхъ человѣка, и человѣкъ проклинается *отъ земли* за невольное участіе ея въ его преступленіи [1])...

И если теперь мы пройдемъ чрезъ всю исторію библейскаго израиля, то увидимъ, что его отношеніе къ своей плоти, какъ святой, что его религіозное общеніе съ „Божіей тварью" и со „всей многообразной языческой плотью" все болѣе и болѣе проявлялось, по мѣрѣ роста его земного могущества и благоденствія. Вспомнимъ сказанія библіи о томъ, какъ Самъ Господь и Ангелы Его являлись *во плоти* человѣка (Быт. 18; Дан. 7), какъ херувимы изображались съ *лицами человѣческими* (Іезеек. 41, 19), какъ знаменія Своего завѣта Господь клалъ на *плоти* человѣка (Быт. 17; Второз. 6, 7—9); какъ жестоко былъ наказанъ Хамъ за осмѣяніе *наготы* отца своего, которая для другихъ сыновей Ноя была *святынею*, своего рода „ковчегомъ откровенія, на который Израильтянамъ нельзя было смотрѣть" (Быт. 3, 21, 9; 22—23; Числ. 4, 15—19—20), какъ сильно желалъ Іосифъ окончательно почить *костьми* своими въ землѣ обѣтованной, въ мѣстѣ постояннаго пребыванія его сыновъ (Быт. 50, 25—26: Іис. Нав. 24, 32), какъ „чтились" у Израильтянъ *кости и тѣла* праведныхъ мужей (Іс. С. Сир. 48—49; Ис. 66; Пс. 33; 4. Цар. 23), какъ заботились Израильтяне о чистотѣ *тѣла*, узаконивъ „различныя омовенія до плоти относящіяся" (Числ. 19; Евр. 9, 10—13), какъ жестоко они карали осквернившихъ *тѣло* свое чрезъ оскопленіе (Второз. 23, 1), какъ всего себя и плоть и кровь свою—Израиль считалъ „святымъ" (Исх. 19), какъ, наконецъ, и что особенно важно, онъ училъ о *воскресеніи* для жизни вѣчной *мертвыхъ тѣлъ* (Ис. 26, 19; Іоан. 11, 24; Лук. 20, 27—39; Дѣян. 24, 14—15)!..

Какая опять тѣсная связь между человѣкомъ и „землею со всѣмъ ея воинствомъ"! Какое божественное пониманіе стыда наготы, какъ наказанія за грѣхъ, а не какъ закона природы! Какой божественный взглядъ на многообразную плоть: и зачала Ева, и родила Каина, и сказала; пріобрѣла

---

[1]) „Бытія" 3, 17 и 4, 11, сравн. Римлян. 8, 19—23.

я *человѣка отъ Господа*; и „принесъ Каинъ отъ *плодовъ* земли даръ *Господу*“, а Авель „отъ первородныхъ *стада* своего и отъ тука ихъ“ (Быт. 4, 1—4)!..

А вотъ предъ нами на страницахъ той же библіи и „вся Божія тварь“, вся „многообразная языческая плоть“. Когда Господь заключалъ Свой завѣтъ съ Израилемъ, то не съ нимъ только, но чрезъ него и со всякимъ „иноплеменникомъ— не отъ сѣмени Авраама“ и со всякою плотью, которая на землѣ...: и съ птицами, и со скотами, и со всѣми звѣрями земными, словомъ, со „всею землею“... Посему и „знаменіе завѣта“, какъ, напримѣръ, радуга была „знаменіемъ“ для всей земли; посему и къ обрѣзанію пріобщались не только „иноплеменники, но даже, „плодовыя деревья и виноградники“, и Богу посвящались всѣ первенцы „отъ человѣка до скота“ и „жатвеннаго снопа“ (Быт. 9, 17; Исх. 13; Лев. 19, 23—25). Замѣчательно, что вмѣстѣ съ Израилемъ и чрезъ него Господь благословлялъ и проклиналъ всякій плодъ земли и на землѣ, всѣ стихіи природы: „благословенъ ты... и плодъ земли твоей и плодъ скота твоего, и плодъ твоихъ воловъ“... и наоборотъ: „проклятъ ты... и житницы твои... и плодъ земли твоей и плодъ твоихъ воловъ и плодъ овецъ твоихъ... и небеса твои, которыя надъ головою твоею сдѣлаются мѣдью, и земля подъ тобою желѣзомъ“... (Второз. 28, 3—24). Вмѣстѣ съ человѣкомъ у Израильтянъ празднуетъ, ликуетъ (Исх. 20, 10; Лев. Г. 25, 2; Ис. 56—9), постится, скорбитъ и покрывается вретищемъ „вся земля“: „сѣтуетъ земля... рыдаютъ виноградники... стонетъ скотъ... уныло ходятъ стада воловъ... Томятся овцы... и взываютъ... и крѣпко вопятъ къ Тебѣ, Господи!“ (Іоиль 1 гл., срав. Іоны 3 гл.)!.. „Скотъ также чувствуетъ происходящее“, говоритъ праведный Іовъ: „спроси у скота и научитъ тебя, у птицы небесной и возвѣститъ тебѣ; или побесѣдуй съ землею и наставитъ тебя, и скажутъ тебѣ рыбы морскія“, хотя Господь и „научаетъ насъ болѣе, нежели скотовъ земныхъ, и вразумляетъ насъ болѣе, нежели птицъ небесныхъ“ (Іовъ 12, 7 — „; 35, 11; 36—33)!.. Израиль „веселится предъ Господомъ“, взявъ въ руки „вѣтви красивыхъ деревъ, вѣтви пальмовыя и вѣтви деревъ широколиственныхъ и вербъ рѣчныхъ“ (Лев. 23, 40). И Моисей съ божественнымъ умиленіемъ говоритъ: о вожделѣнныхъ дарахъ неба, о росѣ, о дарахъ бездны

лежащей внизу, о вожделѣнныхъ плодахъ отъ солнца и произведеніяхъ луны... о крѣпости первороднаго тельца и рогахъ буйвола, о силѣ и быстротѣ льва!.. (Второз. 33). Вотъ почему Псалмопѣвецъ призываетъ къ прославленію Бога: и ангеловъ, и солнце, и луну, и всѣ звѣзды свѣта, и небеса небесъ, и воды превыше небесъ, и рыбъ, и всѣ бездны, и огонь, и градъ, и снѣгъ, и туманъ, и бурный вѣтеръ... и дерева плодоносныя, и всѣ кедры, и звѣрей, и всѣхъ животныхъ, и пресмыкающихся, и птицъ крылатыхъ, и царей земныхъ, и князей и судей, и всѣхъ людей (Псал. 148)!.. И дѣйствительно, во „святомъ“ Іерусалимскомъ храмѣ, гдѣ „возсѣдалъ на херувимахъ Богъ Израиля“ (Исх. 25, 22; Псал. 17, 11; Дан. 3, 54), собрались „небо и земля со всѣмъ воинствомъ своимъ“, и тамъ совокупно прославляли Творца (Псал. 28, 9). Тамъ были въ рѣзныхъ изображеніяхъ: и херувимы, и львы, и волы, и распускающіеся цвѣты, и пальмовыя дерева, и гранатовые яблоки,. и огурцы, и литое изъ мѣди море, и цвѣтообразные свѣтильники, и для куреній ѳиміамъ и для возженій елей, и муро для священнаго помазанія и т. д. (Исх. 25—30). И что особенно замѣчательно, такъ это соединеніе въ изображеніяхъ херувимовъ человѣка, звѣря и птицы: „и у каждаго херувима—два лица; съ одной стороны къ пальмѣ обращено лицо человѣческое, а съ другой стороны къ пальмѣ лицо львиное“ (Іезек. 41, 18, 19), и по два распростертыхъ вверхъ крыла (Исх. 25, 20; 3 Цар. 6, 24)!.. И въ этотъ храмъ для поклоненія Богу Израиля, и притомъ съ надеждой быть услышанными и получить просимое, имѣли право входить и всѣ иноплеменники изъ земли далекой (3 Цар. 8, 41—43).

Гдѣ же, спросимъ г. Мережковскаго и другихъ „новопутейцевъ“, и когда Израиль почиталъ только „чистаго духа“, только „все отвлеченно—духовное, безкровное и безплотное?!.“ Гдѣ и когда онъ смотрѣлъ на свое тѣло и на всю плоть міра,—отъ человѣка до скота и звѣрей, и птицъ, и рыбъ, и растеній и свѣтилъ небесныхъ,—какъ на „порожденіе діавола“, какъ „на неискупимо-грѣшное, проклятое, бѣсовское!.“ Гдѣ и когда онъ признавалъ „весь міръ“, какъ отрицаніе Бога“, и „Бога, какъ отрицаніе всего міра“?!.

Развѣ не Израиль призналъ себя „святымъ“ и *плоть* человѣка достойнѣйшимъ образомъ Бога и ангеловъ Его?!. Развѣ

не Израиль пріобщилъ къ своей святости, къ своему религіозному общенію съ Богомъ „всю Божью тварь" и всю многообразную языческую плоть"?!. Развѣ не онъ одухотворилъ плоть, плотское, земное и воплотилъ духъ, духовное, небесное?!. Развѣ не онъ *объединилъ* въ религіозно-символическомъ образѣ трехсоставнаго херувима: человѣка, звѣря и птицу?!. Развѣ не онъ *воскресилъ плоть*, повѣривъ „въ воскресеніе мертвыхъ тѣлъ"?!.

Откуда же у г. Мережковскаго и К° такое порицаніе іудейства и униженіе его предъ эллинизмомъ?!. Откуда увѣреніе, что якобы „отрицаніе Богомъ міра—природы" (да такъ ли?!.) отравило и истощило божественные родники семитской іудейской культуры?!. Откуда, наконецъ, такой панегирикъ „совершенному эллинству", которое якобы „такъ же довѣрчиво къ жизни, безстрашно къ смерти (?!.), такъ же умѣетъ преходящее дѣлать непреходящимъ", какъ и „самое чистое, совершенное христіанство [1])"?!.

Мы глубоко убѣждены, что всѣ подобнаго рода сужденія идутъ не изъ основательнаго и безпристрастнаго изученія „новопутейцами" духа семитской и арійской культуръ, а все изъ того же злосчастнаго у насъ на Руси стремленія къ рабскому подражанію и усвоенію чужихъ взглядовъ, мнѣній, сужденій... все изъ той же боязни: „а что скажетъ княгиня Марія Алексѣевна"?..—разумѣй: пресловутая Европа!..

Лозунгомъ курса „Исторіи Религій"—Д. П. Шантепи-де ля-Соссей служитъ мысль, что у семитовъ „на первомъ планѣ стоитъ религія, тамъ (у арійцевъ) — культура; здѣсь Богъ является въ исторіи, тамъ въ природѣ (Максъ Мюллеръ)"... Главныя религіи индо-германцевъ, по Шантепи, — „представительницы развитаго и одухотвореннаго политеизма. Между тѣмъ, какъ семиты обращали свои взоры къ небесному, а ихъ религіи проникались духомъ подчиненія абсолютной зависимости, индо-германцы, напротивъ, остановились на процессѣ внутренней міровой жизни: въ ихъ религіи никогда не существовало рѣзкаго разграниченія между божескимъ и человѣческимъ [2])"... Но какъ въ „*Новомъ Пути*" вторая страница отрицаетъ первую, такъ и въ курсѣ Шантепи!..

---

[1]) „Л. Тол. и Дост." Оттиск. жур. „Міръ и Искусст." 1900 г. стр. 20.
[2]) Томъ II, стр. 3. 1899 г. М.

Тамъ же, въ статьѣ проф. Валетона — „Израильтяне“, читаемъ: „Максъ Мюллеръ заходитъ слишкомъ далеко, когда онъ считаетъ за рѣзкую противоположность между семитами и индо-германцами то, что первые познають Бога въ исторіи, а вторые въ природѣ. У семитическихъ боговъ часто тоже стоитъ на первомъ планѣ дѣятельность ихъ, проявляемая въ явленіяхъ природы!..

А между тѣмъ, г. Мережковскій и К° на этомъ шаткомъ основаніи строятъ свое „Новое Вселенское Христіанство“!..

Впрочемъ неудивительно! Тамъ, гдѣ нѣмецъ заходитъ только „слишкомъ далеко“, русскій, обязательно, упершись въ одну точку, доходитъ до крайностей! Пересаживая къ намъ плоды нѣмецкихъ оранжерей и перекраивая на итальянскій манеръ русскихъ писателей, г. Мережковскій главное-то и позабылъ... Вѣдь именно эллинство и *умерщвляло плоть*, когда погружало ее въ холодный мракъ могилы, и когда, какъ и всѣ языческія религіи, опредѣляло человѣка лишь какъ счастливаго, или несчастнаго сына земли, невѣдомо зачѣмъ землею воспитаннаго и опять невѣдомо зачѣмъ въ ту же самую землю отходящаго!.. Нѣтъ, въ эллинствѣ не „безстрашіе къ смерти“, а поразительное безсиліе и замаскированный страхъ предъ нею, о которую сокрушались всѣ мечты язычника-арійца о божественномъ величіи человѣка! Не „богъ“ и царь, а рабъ и презрѣнный червь—человѣкъ и вся жизнерадостность арійца—какой-то тяжелый кошмаръ!.. Между тѣмъ, іудей умиралъ съ ясной и твердой надеждой на *воскресеніе плоти* своей, и печаль какъ бы скользила по лицу его, лишь на мигъ отравляя его покой!.. И не призракъ ли жизни, не тѣневое ли „воскресеніе плоти“ такъ увлекло г, Мережковскаго и повело многихъ по „Новому Пути“?!. Да:

„Тьмы мелкихъ истинъ намъ дороже
Насъ возвышающій обманъ“!..

Мы уже видѣли, что г. Мережковскій глубоко неправъ въ своемъ подражательномъ и до-нельзя избитомъ взглядѣ на духъ семитско-іудейской культуры [1]). Между тѣмъ, на

---

[1]) Въ погонѣ за эффектами мозговыхъ операцій въ пользу своего взгляда на іудейскую культуру, г. Мережковскій иногда пренебрегаетъ

этомъ взглядѣ „новопутейцы“ строятъ свой обвинительный актъ противъ „историческаго христіанства“!.. Нельзя говорить о прочности зданія, воздвигаемаго, по меньшей мѣрѣ, на проблематическомъ основаніи. Нельзя говорить о зараженіи „историческаго христіанства“ ядомъ старой семитской культуры, когда наличность яда въ этой культурѣ больше чѣмъ сомнительна. Все это азбучныя истины, и жаль, что приходится напоминать о нихъ!..

Но если древнее іудейство нисколько неповинно въ обвинительномъ актѣ Мережковскаго, то не также-ли и не болѣе ли неповинно въ томъ же преступленіи „историческое“ и, въ частности, православное христіанство?..

Г. Мережковскій утверждаетъ, что „тайна Воскресенія Плоти“ не открывается въ нынѣшнемъ“ христіанствѣ, что въ немъ еще сохраняется „застарѣлая дурная привычка лжехристіанства, или, лучше сказать, павліанства“ (?!), состоящая въ томъ, что „старое“, „византійское“, „скопческое“, „аскетическое“ и „прелюбодѣйное“ (?!) христіанство якобы обезплотило Христа, отвергло въ человѣкѣ плоть, признало, что, не какая-либо часть или свойство плоти, земли, любви

даже сказаніями Евангелистовъ. Такъ, онъ говоритъ, что Іуда „предалъ Сына Человѣческаго, чтобы спасти міръ“, и предалъ, потому что „не понялъ, что Духъ и Слово можетъ быть Плотью и кровью“, а не понялъ, потому что „былъ воплощеніемъ древняго чистаго духа семитства („Л. Тол. и Дост.“ 1900 г. стр. 131)!..—Мы уже говорили, что древнему іудейству было присуще пониманіе „воплощенія духа“. Здѣсь же замѣтимъ, что взглядъ Мережковскаго на фактъ предательства Іудою Христа стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ сказаніями Евангелистовъ. Изъ Евангелій видно, что Іуда отличался сильною страстью къ наживѣ—„былъ воръ“ и предалъ Христа лишь по мотиву: „что вы дадите мнѣ“?.. Редактируя вновь Іуду, г. Мережковскій, очевидно, не предвидѣлъ, что новоявленный Іуда въ корнѣ подрываетъ его взглядъ на семитскую культуру. Въ самомъ дѣлѣ, если Іуда въ своихъ отношеніяхъ ко Христу былъ „воплощеніемъ древняго чистаго духа семитства“, то вѣдь предательство Христа онъ вскорѣ понялъ, какъ жестокое уклоненіе отъ нормы этихъ отношеній, говоря: „согрѣшилъ я, предавъ Кровь невинную“. И раскаяніе его было такъ глубоко, а сознаніе безсилія возстановить норму такъ мучительно, что онъ „удавился“!.. Слѣдовательно, въ лицѣ Іуды древній чистый духъ семитства осудилъ не Христа, а Іуду,—или, лучше сказать, фактъ предательства Іудою Христа, и призналъ Христа „невиннымъ“!.. Слѣдовательно, и здѣсь „чистое іудейство вопіяло не объ умерщвленіи плоти“, а о дарованіи ей жизни..!

къ себѣ, а вся плоть въ существѣ своемъ, какъ мистическое начало, противоположна другому началу, какъ зло добру, вѣчное да—вѣчному нѣтъ; какъ проклятое, бѣсовское—святому, божескому, что тѣло въ человѣкѣ есть неискупимо—грѣшное, звѣрское, скотское, а вся животная, стихійная природа—порожденіе діавола, что „жить въ Богѣ—значитъ жить внѣ тѣла“, что святость значитъ безтѣлесность, безплотность, что духъ противоположенъ плоти, какъ вѣчное добро· вѣчному злу, что міръ есть отрицаніе Бога и Богъ есть отрицаніе міра, не какой-либо части міра, а міра, какъ цѣлаго, какъ опять-таки абсолютной сущности, что именно отсюда вытекаетъ: „не любите міра, ни того, что въ мірѣ; кто любитъ міръ, въ томъ нѣтъ любви Отчей; ибо все, что въ мірѣ: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть отъ Отца, но отъ міра сего... Весь міръ лежитъ во злѣ“ (1 Іоан. 2, 15—16; 5, 19) [1]).

Разумѣя подъ „историческимъ христіанствомъ“ христіанство со временъ Апостоловъ и до нашихъ дней включительно, г. Мережковскій и свое обвиненіе предъявляетъ ко всему „историческому“ христіанству, не исключая и Апостольскаго.

Не новы, конечно, обвиненія Апостоловъ въ непониманіи ими ученія Христа: въ чужихъ подвалахъ они уже давно заплѣсневѣли и только у насъ почему-то еще претендуютъ на свѣжесть и даже новизну!.. Между тѣмъ и поверхностнаго знакомства съ твореніями Апостоловъ достаточно, чтобы признать обвинительный актъ Мережковскаго, по меньшей мѣрѣ, голословнымъ.

„Не любите міра, ни того, что въ мірѣ: кто любитъ міръ, въ томъ нѣтъ любви Отчей... Дружба съ міромъ есть вражда противъ Бога... Весь міръ лежитъ во злѣ“ (1 Іоан. 2, 15, 5, 19; Іак. 4, 4)...—говорятъ намъ Апостолы и въ то же время заявляютъ, что „такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего Единороднаго... чтобы міръ спасенъ былъ чрезъ Него“, потому что „міръ и началъ быть чрезъ Него“ (Іоан. 1, 10; 3, 16—17)... Какое, повидимому, глубокое противорѣчіе! Съ одной стороны, міръ дѣйствительно есть отрицаніе Бога

[1]) „Л. Тол. и Достоев.“ 1900 г. ч. I и II-я, стр. 59, 121, 131; т. II, стр. 471, 493; „Нов. Путь“ мар., стр. 123—124; 140—141; 144.

и дружба съ міромъ—не только отрицаніе любви Отчей, но и вражда противъ Бога; съ другой—міръ есть объектъ высочайшей любви Божіей и наилучшее свидѣтельство о бытіи Творца!.. Но въ томъ-то и дѣло, что противорѣчіе здѣсь только кажущееся. *Всякій* ли міръ, по ученію Апостоловъ, есть отрицаніе Бога и со *всякимъ* ли міромъ дружба богопротивна?

Апостолы ясно говорятъ намъ о двухъ мірахъ, или точнѣе—о двухъ теченіяхъ міровой жизни. Первое—когда міръ жилъ по законамъ своего Творца, второе—когда онъ преступилъ волю Бога и въ своемъ паденіи дошелъ до того, что „никто въ немъ не ищетъ Бога", такъ что „весь міръ оказался виновенъ предъ Богомъ" и попалъ во власть „духовъ злобы поднебесныхъ", которые, какъ новые „міроправители", стараются пересоздать его по своимъ законамъ „тьмы" (Римл. 3, 9, 19; Ефес. 6, 12). Послѣдній міръ Христосъ и Апостолы называютъ: „міръ *сей*"; онъ дышитъ „духомъ" діавола и его „обычаемъ" служитъ „воля князя власти воздушныя" (Іоан. 14, 30; 16, 11; 18, 36; 1 Іоан. 2, 16; 1 Кор. 2, 12; Ефес. 2, 2). Объ этомъ, и только объ этомъ, „мірѣ" говорятъ Апостолы: „не любите міра, ни того, что въ мірѣ... Ибо все, что въ мірѣ... не есть отъ Отца, но отъ міра *сего*"... Только объ этомъ „мірѣ" и Христосъ говорилъ Пилату: „царство Мое не отъ міра *сего*, или въ молитвѣ къ Отцу: „они (ученики) *не отъ міра*"... потому что „приняли не духа міра *сего*, а духа отъ Бога!.. При этомъ необходимо помнить, что Апостолы, предостерегая христіанъ отъ любви къ „міру сему", разумѣли любовь, побуждающую идти по стопамъ любимаго существа, но отнюдь не любовь, которая спасаетъ грѣшника, такъ какъ спасеніе грѣшнаго міра было выше человѣческихъ силъ. Когда же Апостолы говорили о любви къ грѣшному міру со стороны Бога, то разумѣли уже любовь, спасающую міръ отъ грѣха: „такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего единороднаго... чтобы *спасенъ* былъ чрезъ Него"... Какъ только Богъ „во Христѣ *примирилъ* міръ съ Собою",—въ „мірѣ *семъ*" образовался новый міръ или „новая тварь", воспринявшая Христа и отвергшая „обычай міра сего" и дѣйствующую въ немъ „волю князя власти воздушныя". И любовь къ этому *новому міру*, какъ подражаніе дѣламъ „новой твари", Апостолы возвѣ-

щали въ каждомъ своемъ словѣ (2 Кор. 5, 17; Ефес. 4, 22—24). Этотъ же міръ являлся самымъ лучшимъ *утвержденіемъ* Бога, и дружба съ этимъ міромъ была единственнымъ угоднымъ Богу дѣломъ (Мѳ. 5, 16).

Значитъ, вопреки утвержденію г. Мережковскаго, въ историческомъ" христіанствѣ *не всякій* міръ есть отрицаніе Бога и Богъ есть отрицаніе *не всякаго* міра, тѣмъ болѣе *не всего* міра, какъ цѣлаго, какъ абсолютной сущности!.. Значитъ, и заповѣдь Апостола: „не любите міра"... вытекаетъ не изъ отрицанія Богомъ *всего* міра!.. „Не любите міра", но *только „міра сего"*, въ которомъ царитъ воля діавола; а любите міръ искупленный, новую тварь, которая „во Христѣ". И таковой „тварью" можетъ быть *всякая* тварь, ибо Христосъ умеръ за грѣхи „всего міра" (1 Іоан. 2, 2; ср. Римл. 8, 19—23)!.. Слѣдовательно, *весь міръ* можетъ стать достойнымъ подражательной любви христіанина, если только облечется во Христа.

Изъ взгляда Апостоловъ на міръ ясна несправедливость и другого обвиненія, по которому Апостолы *якобы* учили, что вся вообще въ мірѣ плоть противоположна духу, какъ зло—добру, какъ проклятое, бѣсовское—святому, божескому; что, въ частности, тѣло въ человѣкѣ есть нѣчто неискупимо-грѣшное, звѣрское, скотское и вся животная, стихійная природа—порожденіе діавола; что „жить въ Богѣ—значитъ жить внѣ тѣла" и что святость значитъ безтѣлесность, безплотность!...

Мнѣ кажется, что болѣе глубокаго непониманія ученія Апостоловъ о плоти и духѣ и представить себѣ нельзя! „Плоть желаетъ противнаго духу, а духъ — противнаго плоти; они другъ друга противятся", говоритъ Ап. Павелъ (Гал. 5, 17). Но о какой „плоти" и о какомъ „духѣ" онъ говоритъ и что подъ ними разумѣетъ? Едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что ученіе о „плоти" и ея отношеніи къ „духу" красной нитью проходитъ чрезъ всѣ Апостольскія посланія и особенно Павловы. Почти всюду, гдѣ слышится такой протестъ, подъ „плотью" разумѣется не міровая матерія съ ея законами и, въ частности, не тѣло человѣка, а „духъ", противный „духу Божьему", царящій въ „мірѣ семъ" и дѣйствующій въ сынахъ противленія (Ефес. 2, 2). Вотъ почему и человѣкомъ, живущимъ „по плоти", или что

то же: „душевнымъ“, „плотскимъ“ называется тотъ, кто всѣмъ своимъ существомъ (и тѣломъ и душою) живетъ внѣ благодатныхъ даровъ „Духа Христова“, кто во всей своей жизни руководится „не духомъ Божіимъ“, а „духомъ міра сего“ (Римл. 8; 1 Коринѳ. 2, 12—14, 3, 3; Іуд. 19). Тотъ же, кто имѣетъ въ себѣ „духа Божія“ и всю свою жизнь направляетъ „по духу Христову“, избѣгая „духа противленія“, называется человѣкомъ „духовнымъ“ или „живущимъ по духу“ (Римл. 8; 1 Кор. 2, 5; Гал. 5, 25; Ефес. 2, 2). Отсюда понятно, что такая „плоть“ и такой „духъ“ дѣйствительно, по самому существу своему, противоположны и „другъ другу противятся“; „ибо, что общаго у свѣта со тьмою? какое согласіе между Христомъ и Веліаромъ? Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда Апостолы говорятъ о тѣлѣ и душѣ человѣка, они никогда не противополагаютъ ихъ, какъ зло—добру, какъ бѣсовское божескому, но признаютъ ихъ, по самому существу ихъ, *„Божіими“* (1 Кор. 6, 15—20). И если, по ученію Апостоловъ, человѣкъ можетъ погубить тѣло свое, то также онъ можетъ запятнать и душу свою, ибо и тѣломъ и душою можетъ оказаться во власти „князя міра сего“ (1 Тим. 4, 1—2; Сол. 5, 2, 3; Ефес. 4, 3). Печать Божія, а не діавольская, лежитъ по Ап. Павлу, и на всей животной стихійной природѣ (Римл. 1, 20) и на всей твари, которая также должна принять участіе въ „славѣ дѣтей Божіихъ“ (Римл. 8, 19—21). И никогда Апостолы не вели брани противъ крови и плоти (Ефес. 6, 12). Напротивъ, всегда они поучали, чтобы христіане любили свои тѣла, питали и грѣли свою плоть (Ефес. 5, 28—29) и лишь не оскверняли ся жизнью *„плоти иной“*— языческой (Іуд. 7—8; Римл. 1, 24). „Тѣло для Господа, говоритъ Ап. Павелъ, и Господь для тѣла... Ваши тѣла суть члены Христовы... и храмъ живущаго въ васъ Св. Духа“... посему „прославляйте Бога и въ тѣлахъ вашихъ и въ душахъ вашихъ, которыя суть Божіи... представьте тѣла ваши въ жертву живую, святую, благоугодную Богу“ (1 Кор. 6, 13—15, 19—20; Римл. 12, 1)... Всегда, какъ только заходила рѣчь о человѣкѣ, Апостолы высказывали пожеланіе, чтобы онъ святъ былъ и тѣломъ и духомъ, чтобы Богъ освятилъ его во всей полнотѣ: „и вашъ духъ и душа и тѣло во всей цѣлости да сохранится безъ порока“... (1 Кор, 7, 34; 1 Солун. 5, 23), чтобы „жизнь Іисуса открылась и въ тѣлѣ нашемъ“

(2 Корм. 4, 10). Этому-же тѣлу человѣка они предназначили преображеніе сообразно славному Тѣлу воскресшаго Христа и затѣмъ воскресеніе для жизни вѣчной на небесахъ (1 Кор. 15 гл. Филип. 3, 20—21)!.. Здѣсь плоть достигла той степени славы, до которой она уже дошла въ древне-іудейскомъ мірѣ,—славы своего „воскресенія изъ мертвыхъ" или безсмертія. Но „историческое" христіанство на этомъ не остановилось и пошло дальше по пути прославленія „плоти". Великая благочестія тайна: Богъ явился во „плоти", говоритъ Ап. Павелъ, такъ что „во Христѣ обитаетъ вся полнота Божества тѣлесно" (Колос. 2, 9; 1 Тит. 3, 16)!.. Обожествленіе человѣческой природы въ истинномъ воплощеніи Бога-Слова: вотъ кульминаціонный пунктъ прославленія плоти!.. Обожествленная и въ то же время безсмертная плоть, Плоть, искупившая міръ, Плоть, предлагаемая въ пищу и Кровь—въ питіе желающимъ наслѣдовать жизнь вѣчную: какъ все это не вяжется съ обвиненіемъ въ „умерщвленіи Плоти"!.. Когда же и гдѣ же „тайна Воскресенія Плоти" открылась полнѣе и святѣе [1])?! Когда и гдѣ духъ воплотился и плоть одухотворилась болѣе, чѣмъ въ „историческомъ" христіанствѣ?!. И не здѣсь ли хранится ключъ къ разгадкѣ тайны святого соединенія Духа и Слова съ Плотью и Кровью?! Не здѣсь-ли съ поразительной ясностью возвѣщены: *„плоть святая"* и *„духъ святой"* и отграничены отъ *„плоти иной"*,—съ „тѣломъ грѣховнымъ" и со „скверными похотьми", и отъ *„духа заблужденія"* или „противленія" (Іуд. 7, 8, 23; Петр. 2, 10; Римл. 7, 18, 1 Іоан. 4, 1—6)?! Не о томъ старайтесь, говоритъ „историческое" христіанство, чтобы отвергнуть *всякую* плоть и *всякій* духъ, а лишь о томъ, чтобы „очистить себя отъ *всякой скверны* плоти и духа" и хранить *„святыню"* (плоть и духъ) въ страхѣ Божіемъ (2 Кор. 7, 1).

Послѣднія слова Апостола—это та великая печать, которой запечатлѣно все „историческое", „византійское", православное христіанство, со временъ Апостоловъ и донынѣ, въ своемъ отношеніи къ „духу" и „плоти". Никогда православное христіанство не отрекалось отъ *„міра святаго"*, отъ плоти и духа *святыхъ*, но всегда осуждало „міръ грѣшный", „плоть

---

[1]) „Нов. Путь" Март. стр. 143—144.

иную“ (Iуд. 7) и „духа заблужденія“ [1]). Съ этой точки зрѣнія оно всегда готово было признать *всякую* форму воплощенія духа, *всякую* форму соединенія духа съ плотью, какъ только находило въ ней *святой* духъ и *святую* плоть. Произведенія спеціально-ли богословской или научно философской мысли: творчества и особенно художественнаго: литературы, живописи, скульптуры, архитектуры и музыки, искусство театральное—все признавалось и освящалось Православной Церковью, коль скоро она находила въ этомъ лишь многообразное выраженіе *одной и той же* идеи насаждаемаго ею Царства Божія на землѣ. Посему, глубоко несправедливъ упрекъ въ томъ, что въ „историческомъ христіанствѣ“ искусство якобы не можетъ быть святымъ!.. Если Православная Церковь и отрицала искусство, то *не всякое*, а лишь развращающее; но она же и освящала искусство и опять *не всякое*, а лишь передающее чувства, вытекающія изъ религіознаго сознанія людей и согласныя съ ея жизнепониманіемъ [2]). Интересна въ этомъ случаѣ небольшая историческая справка: „святый вселенскій соборъ сей совершенно возбраняетъ быти смѣхотворцамъ и ихъ зрѣлищамъ, такожде и зрѣлища звѣриныя творити и плясанія *на позорищи* [3]). Аще же кто настоящее правило презритъ и предастся которому-либо изъ *сихъ возбраненныхъ* увеселеній: то клирикъ да будетъ изверженъ изъ клира, а міряникъ да будетъ отлученъ отъ общенія Церковнаго... Никому изъ числящихся въ священномъ чинѣ, ни монаху, не позволяется ходити на конскія ристалища, или присутствовати на *позорищныхъ* играхъ. И аще кто изъ клира званъ будетъ на бракъ: то при появленіи игръ, служащихъ *къ обольщенію*, да возстанетъ, и тотчасъ да удалится: ибо такъ повелѣваетъ намъ ученіе отецъ нашихъ... Дѣтямъ священниковъ не представляти мірскихъ *позорищъ*

---

[1]) Iудеи признавали воскресеніе мертвыхъ, но обожествленіе человѣческой плоти въ воплощеніи Бога—Слова считали за самое вопіющее выраженіе языческаго безумія (св. Iустина муч. Dialog c. Tryph. cap. 48, 50, 64, 67, 68). Язычники допускали возможность воплощенія Божества, но воскресеніе мертвыхъ считали за самое нелѣпое выраженіе человѣческаго суевѣрія (Минуція Феликса Octavius c. 11).

[2]) См. и у Л. Толстого „Что такое искусство“. М. 98. Стр. 147—150; 503—505.

[3]) Курсивъ нашъ.

и не зрѣти оныхъ. Сіе-же и всѣмъ христіанамъ всегда проповѣдуемо было, да не входятъ туда, гдѣ бываютъ *хуленія*" (6 Всел. соб., пр. 24 и 51; Кареаг. соб., пр. 18-е). Ясно, что тамъ, гдѣ идутъ *позорныя* зрѣлища, игры и раздирающія душу ристалища, гдѣ раздаются *хульныя* и *обольстительныя* рѣчи,—тамъ не мѣсто христіанину. И если когда-либо Церковь освятитъ искусство въ духѣ „Елены Прекрасной", то это будетъ съ ея стороны паденіемъ до глубины ада и потерею Лика Христова!.. Тогда и у насъ воцарится культъ „Николаитовъ", чего такъ желаютъ Андреевы, Горькіе и имъ подобные!..

Правда, если-бы обвиненія въ „умерщвленіи плоти" и въ „отрицаніи искусства" раздавались по адресу древнихъ докетовъ или современныхъ: хлыстовъ, скопцовъ, духоборцевъ, молоканъ-уклеинцевъ и духовныхъ штундистовъ, то, въ большинствѣ случаевъ, пришлось бы согласиться съ справедливостью этихъ обвиненій. Но, когда слышишь тѣ-же упреки по адресу православной Церкви, которая осудила всѣхъ этихъ сектантовъ, изувѣрно бичующихъ и оскопляющихъ свою плоть, или проповѣдующихъ чисто-духовное служеніе Богу, то не знаешь, чему больше удивляться: отсутствію-ли въ „прокурорахъ" чувства справедливости, или ихъ способности высказывать смѣлыя сужденія въ почти-что невѣдомой для нихъ области?!.

Но если православное христіанство и неповинно въ предъявленныхъ къ нему „новопутейцами" обвиненіяхъ, то отсюда еще далеко до солидарности его съ „новымъ вселенскимъ христіанствомъ" Мережковскаго. Не солидарность, а глубокая пропасть, по нашему мнѣнію, лежитъ между православіемъ и „Религіею Конца". Никогда православная Церковь, во первыхъ, не признаетъ „святости *всякаго* тѣла" и „духовности *всякой* плоти", какъ того требуетъ „религія конца". Никогда она, далѣе, не пріиметъ и не освятитъ *всѣхъ* благъ культуры и никогда не поставитъ равенства между двумя безднами: „бездной нижней"—землею и „бездной верхней"—небомъ [1]). Оставаясь вѣрной завѣтамъ Христа, она всегда

[1]) „Л. Тол. и Дост." 1900 г. ч. I и II, стр. 59, 122, 131; „Нов. Путь" янв. „Записки р. ф. собр." 32 стр. и мар. 123, 145.

будетъ считать *„святой“* лишь плоть, обрѣзанную во Христѣ (Колос. 2, 11), и *„святымъ“* лишь духъ, живущій во Христѣ. Посему и культура въ православной Церкви только та— *„святая“*, которая запечатлѣна духомъ Христовымъ и земля только тогда—*„святая“*, когда на ней жизнь течетъ по небесному идеалу, а не по отдѣльному отъ этого идеала—идеалу земли.

Достаточно, хотя на мигъ, допустить отдѣльное бытіе и равноправіе двухъ идеаловъ: земного и небеснаго, какъ связь между „бездною нижнею“ и „бездною верхнею“ порывается, человѣкъ начинаетъ сознавать себя исключительно гражданиномъ земли и всецѣло погружается въ насажденіе и развитіе на землѣ культуры и цивилизаціи, съ цѣлью порабощенія себѣ всего міра... И только на вершинѣ своего земного могущества онъ какъ-бы срывается и летитъ въ бездонную пропасть... Только тогда въ немъ съ поразительной ясностью говоритъ сознаніе, что „скудны всѣ земныя силы: разсвирѣпѣетъ жизни зло“..., и что вся безмѣрная масса его труда и пролитое имъ море крови и слезъ не дали ему и капли счастія, внутренняго покоя, душевнаго рая... Только тогда онъ съ ужасомъ видитъ, какъ:

„Прогрессъ подвигается,
И не видно движенью конца:
Что сегодня постыднымъ считается,—
Удостоится завтра вѣнца“...

И вотъ онъ жаждетъ идеала вѣчнаго, неизмѣннаго, какъ Богъ, идеала небеснаго: „будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“; этому идеалу онъ подчиняетъ всю землю и себя сознаетъ лишь „странникомъ и пришельцемъ на землѣ“, для котораго „отечествомъ“ служитъ „небо“. Съ этого момента онъ уже стремится къ жизни по идеалу своего вѣчнаго жилища и только этимъ идеаломъ мѣритъ *святость* всего земного. Такова исторія скитаній человѣка въ этомъ мірѣ. И православная Церковь прекрасно помнитъ уроки жизни и ими свидѣтельствуетъ дѣйствительность и святость только одного идеала небеснаго, или „бездны верхней“ (Мѳ. 5, 49), которой подчинена, а несоподчинена „бездна нижняя“. Движеніе въ мѣру возраста этого идеала и признается Церковью за *истинный прогрессъ* на землѣ.

Посему, если православная Церковь желаетъ оставаться вѣрной Лику Христову, если она не дорожитъ мертвыми, но обольстительными призраками, то она должна быть тѣмъ, чѣмъ была и есть. Всякая попытка вступить на „*Новый Путь*“ будетъ не „Религіею Конца“, а „Концомъ Религіи“, и не „Новымъ Вселенскимъ христіанствомъ“, а „Новымъ Вселенскимъ хожденіемъ по стихіямъ міра“! Въ этомъ какъ нельзя лучше убѣждаетъ насъ откровенная статья г. Минскаго: „О свободѣ религіозной совѣсти“ [1]), по которой мы знакомимся съ основнымъ взглядомъ „новопутейцевъ“ на религію вообще и, въ частности, на религію христіанскую.

По мнѣнію г. Минскаго: „религіозная истина и святость, подобно хлѣбу, дается намъ не вся сразу, а на каждый день нашихъ потребностей и силъ, сообразно нашимъ личнымъ и національнымъ особенностямъ. И тутъ завтрашній день заботится самъ о себѣ... Пониманіе истиннаго духа христіанства не имманентно Церкви, а развивается въ ней постепенно... и сущность христіанства заключается, главнымъ образомъ, въ *неизсякаемости* религіознаго творчества“... Посему-де „православная Церковь, какъ и всякая другая, не можетъ считать свое пониманіе Бога столь же абсолютнымъ, какъ самое бытіе Бога. Всякая ересь для нея должна казаться лишь человѣческою ложью, сравнительно съ содержимою ею также человѣческою истиною; но признать ее абсолютнымъ зломъ—дѣло Божіе. Рядомъ съ этой ложью и моею истиной есть истина вѣчная, Божеская, а кто предъ ней окажется правъ—отъ меня скрыто“ [2])... Выходя изъ того взгляда, что сущность христіанства — въ „неизсякаемости религіознаго творчества“ и что „неизсякаемое творчество“ отнюдь не можетъ мириться съ вѣчностью и неизмѣняемостью твореній, г. Мережковскій возстаетъ противъ всего вѣчнаго и неизмѣняемаго въ христіанствѣ, противъ христіанской догматики: „разрушеніе догматики, говоритъ онъ, не только не вредитъ,

---

[1]) „Нов. Путь“, янв., стр. 10—27.

[2]) „Нов. Путь“, янв., стр. 21—23. Съ этой точки зрѣнія для сектъ, отрицающихъ божество Іисуса Христа и предающихся самому дикому изувѣрству и разврату, есть полная надежда на правоту предъ Богомъ и даже Христомъ!..

а болѣе чѣмъ что-либо содѣйствуетъ возможности истинной (?!) религіи“ [1])...

Итакъ, по взгляду „новопутейцевъ“, въ области религіи вообще и, въ частности, религіи христіанской царитъ вѣчный прогрессъ, все движется впередъ и нѣтъ ничего вѣчнаго, безусловнаго!.. Православная, какъ и всякая другая, Церковь владѣетъ истинами лишь *человѣческими*, которыя предъ судомъ Божіимъ могутъ оказаться ложью, и, наоборотъ, то, что считалось церквами за ложь,—правдой. Словомъ, ни одной изъ христіанскихъ церквей не присуще сознаніе *Божественной* правды, ни одному человѣку неизвѣстно мѣрило *Божественнаго* правосудія! Все человѣчество, всѣ христіане блуждаютъ впотьмахъ и, ища Бога, не находятъ Его. Если же кто скажетъ: позналъ Бога,—ложь говоритъ, ибо знать Бога — значитъ творить волю Его, а воля Божія скрыта отъ человѣка [2])!.. Какое поистинѣ трагическое положеніе: искать, томиться, страдать,—и такъ до конца!.. Неужели въ этомъ сказалась любовь Божія къ міру, для спасенія котораго Онъ послалъ Сына Своего Единороднаго?! Неужели Христосъ для того и пострадалъ, чтобы подвергнуть человѣка еще большей пыткѣ нравственно-религіозныхъ томленій?!. И какая жестокая пытка знать, что Богъ есть и требуетъ исполненія воли Его, и не знать, да что же нужно дѣлать, чтобы творить волю Его!.. Нѣтъ не для того приходилъ Христосъ, чтобы погрузить человѣчество въ еще большій мракъ, чтобы бросить его въ объятія призраковъ истины, но для того, чтобы повѣдать ему волю Божію о немъ и притомъ волю, доступную для пониманія и исполненія: „вамъ дано знать тайны Царствія Небеснаго“ и всѣмъ, у кого сердце

---

[1]) „Л. Тол. и Дост.“, 1900 г. ч. I, и II, стр. 169. Очевидно, что Христосъ и Апостолы, по „новопутейскому“ богословствованію, заблуждались, когда клали догматы въ основаніе своего вселенскаго зданія!..—Да и это „бездогматное христіанство“ не является плодомъ творчества г.г. Мережковскихъ, или результатомъ ихъ личныхъ мучительныхъ поисковъ „и переживаній, а выкрадено ими изъ платформъ „Всемірнаго Евангельскаго Союза“, который съ 1846 г. стремится уничтожить христіанство путемъ проповѣди новаго бездогматнаго и безцерковнаго лжехристіанства. Такъ русская интеллигенція была и остается рабомъ Запада!..

[2]) Вотъ почему г. „Новопутеецъ“ на всѣ мольбы къ нему: „раскройте вашу душу, разскажите намъ, какъ *вы* нашли *своего* Бога“ („Нов. Путь“, февр., стр. 162)—молчитъ и... молчитъ!..

не огрубѣло (Мѳ. 13, 11—16), и „кто будетъ исполнять волю Отца Моего Небеснаго, тотъ Мнѣ братъ“ (Мѳ. 12, 50)... Эта воля Божія, во всей ея необходимой для человѣка полнотѣ и чистотѣ, возвѣщается въ Церкви Христовой, которая есть „столпъ и утвержденіе истины“. Посему-то отступленіе отъ истины, содержимой *Церковью*, всегда признавалось Христомъ и Апостолами за отступленіе отъ *правды Божественной*. И если человѣкъ *постепенно* растетъ въ мѣру полнаго возраста Христа (Ефес. 4 гл.), то не потому, что ему постепенно открывается возрастъ Христовъ, а только потому, что онъ не въ силахъ сразу стать взрослымъ во Христѣ. Но какъ „молоко“, такъ и „твердая пища“ *разъ навсегда* даны намъ Христомъ чрезъ св. Апостоловъ и иной „пищи“ православная Церковь не пріиметъ. Вотъ почему разные члены Церкви Христовой въ одно и то же время стояли на разныхъ ступеняхъ совершенства во Христѣ: предъ ними въ Церкви былъ сосудъ съ благодатью *полнаго* возраста Христова, но каждый черпалъ изъ этого сосуда лишь сколько могъ вмѣстить, стремясь къ большему воплощенію въ себя *хранимаго Церковью* идеала Христова.

Эволюція въ области хранимаго Церковью религіознаго идеала, а тѣмъ болѣе „разрушеніе христіанской догматики“, равносильна полному уничтоженію христіанства или, по меньшей мѣрѣ, низведенію христіанской Церкви въ разрядъ „политическихъ учрежденій“, вмѣстѣ съ которыми она поневолѣ должна будетъ прилаживаться и жить въ мірѣ съ „мудростію міра сего“... Въ этомъ случаѣ христіанство переустраивается по символу современной культуры, цивилизаціи и прогресса, но не наоборотъ—не современная жизнь направляется въ русло вѣчнаго религіознаго идеала. Отъ христіанства вскорѣ останется только пустой звукъ и, если оно еще здѣсь терпится, то только ради приличія или какъ необходимая до времени маска... Я не понимаю, какъ можно серьезно признавать возможность религіи безъ абсолюта, безъ догматовъ, когда даже естествознаніе, чего теперь не скрываютъ, опирается на догматъ?!.

Если „Религія Конца“ не въ силахъ намъ повѣдать правду божественную, истину вѣчную и неизмѣнную, то въ этомъ и заключается ея самая великая ложь, ея самоосужденіе. „Блаженны алчущіе и жаждущіе правды, ибо они насытятся“,

говорить Христосъ. Нѣтъ, отвѣчаетъ „Новый Путь“: несчастны алчущіе и жаждущіе правды, ибо правда скрыта отъ нихъ!., Дальше итти некуда, Здѣсь предѣлъ. Здѣсь та вершина земной мудрости, чисто-земного идеала, достигнувъ которой, человѣкъ срывается и летитъ въ пропасть. Въ этомъ еще разъ сказалась великая истина, что между земнымъ и небеснымъ идеаломъ не равенство, а глубочайшая рознь, и что нельзя требовать принятія земли, какъ неба, но надо землю подчинить небу и небесный идеалъ воплощать на землѣ [1]). Къ сожалѣнію, „новопутейцы“, упиваясь собственною мудростью, не только не хотятъ видѣть это, но даже требуютъ отъ православной церкви „освященія и благословенія“ ихъ „Новаго Пути“! И въ этомъ послѣднемъ ихъ требованіи снова сказалась присущая имъ *„принципіальная хаотичность“*. Вѣдь, если православная Церковь, какъ и всякая другая, обладаетъ истиной лишь человѣческой, которая предъ Богомъ можетъ оказаться ложью, то зачѣмъ освящать свой путь такою проблематическою „святостью“?!. И какъ непростительна ложь утвержденія, что „Новый Путь“—это путь Гоголя, Достоевскаго и Вл. Соловьева!.. Нѣтъ,—это путь *„Конца Религіи“* и ясно намъ говоритъ что:

„Не плоть, а духъ растлился въ наши дни,
И человѣкъ отчаянно тоскуетъ;
Онъ къ свѣту рвется изъ ночной тѣни
И, свѣтъ обрѣтши, *ропщетъ и бунтуетъ*.
Безвѣріемъ палимъ и изсушенъ,
Невыносимое онъ днесь выноситъ!..
И сознаетъ свою погибель онъ,
И жаждетъ вѣры... но о ней *не проситъ*“!

Не освящать такой путь, не тризну править надъ Христомъ и идеаломъ вѣчнымъ, небеснымъ, должна православная Церковь, а лишь молиться: да направитъ Господь стопы „Новаго Пути“ къ алтарю православнаго храма!..

---

[1]) Сознаніе глубочайшей розни между небеснымъ и земнымъ идеаломъ только однажды блеснуло у Мережковскаго („Нов. Путь“, янв., „зап. р. ф. соб.“, стр. 32), но блеснуло какъ бы затѣмъ, чтобы снова померкнуть! Все же яснымъ стало, что „король новопутейцевъ“ даже въ главномъ хромаетъ.

V.

Такъ, начавъ съ прославленія мистицизма и религіознаго міропониманія, г.г. „новопутейцы" закончили старымъ отрицаніемъ религіи. Хуже того,—они затѣмъ низвели религію до простого члена политическаго символа современнаго „освободительнаго движенія" и сдѣлали ее служебнымъ орудіемъ въ политической борьбѣ за власть съ самодержавнымъ строемъ, вдохновляя съ этою цѣлью пресловутое „Христіанское Братство Борьбы" [1]... Словомъ, они совершенно отвергли путь Гоголя и Достоевскаго и, принявъ печать такъ-называемаго „историко-экономическаго матеріализма", тѣмъ самымъ духовно слились съ старыми позитивистами, строя вмѣстѣ съ ними, хотя и подъ другимъ флагомъ, одну и ту же Вавилонскую башню „богоборства".

Но гдѣ же причина такого смертнаго скачка отъ Гоголя и Достоевскаго въ соціалистическую бездну?!. При маломальски безпристрастномъ взглядѣ на скитанія „новопутейцевъ" нельзя не замѣтить, что, кромѣ на разные лады напѣваемыхъ словъ: Гоголь, Достоевскій... Достоевскій, Гоголь...—у „новопутейцевъ" нѣтъ ничего общаго съ ними! Нѣтъ у нихъ того *духа*, которымъ жили эти великіе сыны Св. Церкви. Имена послѣднихъ понадобились „новопутейцамъ" лишь для того, чтобы, подъ личиною вѣрности Гоголю и Достоевскому, искуснѣе отравить религіозныя сердца „богоборчествомъ". Вотъ почему „новопутейцы" остались чуждыми *духа* Гоголя и Достоевскаго; вотъ почему они съ искаженнымъ гордынею лицомъ отвернулись и отъ того источника, изъ котораго почерпали свою духовную мощь Гоголь и Достоевскій. Они съ ропотомъ и бунтовски отошли отъ того молитвеннаго вздоха, безъ котораго нельзя понять ни души русскаго народа, ни творчества его геніевъ. Этотъ вздохъ—великопостная молитва св. Ефрема Сирина, та молитва, предъ которой колѣнопреклоненно склонился величайшій русскій поэтъ и которая приковала къ себѣ душу русскаго народа.

И когда весною 1909 г. изъ среды русской „интеллигенціи", зараженной „богоборчествомъ", выдѣлилась небольшая

---

[1]) См. мою брошюру: „Религіозная правда Русскаго Самодержавія, въ связи съ воцерковленіемъ человѣческой жизни".

группа лицъ, во главѣ съ С. Н. Булгаковымъ, когда эти лица въ „Вѣхахъ" принесли покаянную въ своемъ „богоборствѣ", когда они въ смиреніи „узрѣли свои прегрѣшенія",— какой неистовый вопль „интеллигентныхъ бѣсноватыхъ" пронесся по городамъ и весямъ Россіи!.. Повсюду поднялся шумъ, точно Гадаринское стадо низверглось въ озеро съ крутизны! Раздались проклятія и завыванія, точно изъ праха возстали владѣтели Гадаринскихъ свиней!..

Надъ „*Вѣхами*" учинили судъ Линча. Судили борцы за царство „соціалистическаго стрекозника". Въ Москвѣ состоялось засѣданіе „исторической комиссіи учебнаго дѣла". Собрались г.г. Мельгуновы, Потемкины, Дауге, Левины etc... Они признали, что авторы „Вѣхъ" являются „порицателями" (очевидно, требуется лишь прихлебательство, безъ малѣйшей критики!..) русской интеллигенціи и „отрицателями" ея заслугъ, что они проявили „духовный маразмъ" и, страшно сказать, повинны въ „октябризмѣ" (?!—г. Мельгуновъ), что они обнаружили „невѣроятную дерзость, сыгравъ въ руку враговъ" („реакціи!"—sic!..—Словомъ: „не смѣть—свое сужденіе имѣть!.."), и являются... „сумасшедшими" (sic!..), что отъ нихъ несетъ „нестерпимымъ зловоніемъ реакціи" (г. Потемкинъ)... А г. Дауге звалъ всѣхъ къ Марксу, забывъ, къ сожалѣнію, прибавить, о „нестерпимомъ зловоніи чеснока и лука!.." Такъ разсвирѣпѣли московскіе Посейдоны, въ безсильномъ и просто глупомъ гнѣвѣ ударяя своимъ „беззубымъ трезубцемъ" по поверхности русскаго моря. „Резолюцію... резолюцію!.."—кричали Дауге, Левины и прочіе „вершители судебъ" русской „интеллигенціи". И вотъ состоялась резолюція: „признавая сборникъ „Вѣхи" продуктомъ романтически - реакціоннаго настроенія извѣстной части русской интеллигенціи, вызваннаго временнымъ упадкомъ общественныхъ интересовъ, историческая комиссія констатируетъ наличность въ упомянутой книгѣ грубыхъ внутреннихъ противорѣчій (?!), шаткость основныхъ точекъ зрѣнія авторовъ и крайне несправедливое отношеніе къ прошлымъ и настоящимъ заслугамъ *лучшихъ* (еще бы!..) элементовъ русской общественности, *самоотверженно* (?!) *и неустанно* (?!.) стремящихся *къ высокимъ* (?!.) соціально - политическимъ идеаламъ".

При чтеніи этой „резолюціи" не знаешь, чему больше

удивляться: мальчишескому ли задору „исторической комиссіи“, ея ли пустозвонству, или лицедѣйству и полному моральному и умственному убожеству!.. Правъ былъ г. Розановъ,—что съ нимъ иногда бываетъ,—когда, назвавъ „Вѣхи“ *самой благородной книгой* за послѣдніе годы, въ отвѣтъ критикамъ „Вѣхъ“ сказалъ: *„нравственный позоръ революціи и интеллигенціи заключается въ ея хвастовствѣ, въ ея бахвальствѣ, въ ея самоупоеніи“*. („Новое Вр.“ 27-го апр. 1909 г.).

За „исторической комиссіей“ потянулась и остальная „интеллигентная челядь“. На столбцахъ „Русск. Слова“ ей дали широкій пріютъ. Но что она сказала?!. Выступили, вѣдь, „корифеи“ и лучшіе борцы за „высокіе соціально-политическіе идеалы“! Всѣ „сознательные“, и особенно „освободительная молодежь“, ждали отъ нихъ полнаго разгрома „Вѣхъ“, ниспроверженія ихъ въ корнѣ!.. А, между тѣмъ, Гр. Петровъ въ предлинной статьѣ по поводу „Вѣхъ“ писалъ только о „неряшливости выраженій“ и о „птичьемъ языкѣ“ авторовъ „Вѣхъ“, предлагалъ имъ „выпить брому, принять валеріановыхъ капель“!.. Другой же „корифей“ П. Д. Боборыкинъ, мнящій себя творцомъ „русской интеллигенціи“ и ея „отцомъ“, хотя въ существѣ дѣла все время только сметаетъ грязной метлой пыль съ интеллигентной мостовой, засоряя ее еще сильнѣе,—въ отвѣтъ на просьбу „сознательной молодежи“ ударить по „Вѣхамъ“, — ограничился жалкой инсинуаціей, доказывая въ публичной лекціи, что авторы „Вѣхъ“ коварно-де провозгласили собственно „уваровскую“ формулу, состоящую изъ трехъ членовъ, разумѣй: „Православіе, Самодержавіе и Народность“. Если,—вѣщалъ г. Боборыкинъ,— подъ первое слово подставить: „конкретный идеализмъ“ одного изъ авторовъ „Вѣхъ“, подъ второе—„государственность“ и подъ третье — „національное лицо“ другихъ авторовъ „Вѣхъ“,—вотъ вамъ цѣликомъ „уваровская формула“!.. Продѣлавъ такой фокусъ циркового клоуна, г. Боборыкинъ патетически заключилъ: „такая „вѣха“ вамъ не требуется“ [1])!.. Обманутая старымъ литературнымъ жонглеромъ молодежь шумно аплодировала докладчику. И лишь кой-гдѣ раздался протестъ, точно лучъ солнца проглянулъ сквозь свинцовыя тучи... Однако, и этотъ лучъ не остался безъ слѣда... Все

---

[1]) „Русское Слово“ 12-го мая, 1909 г.

же онъ поселилъ во враждебномъ „Вѣхамъ“ лагерѣ недовольство своими „побѣдоносными“ наскоками на „Вѣхи“. Чувствовалась потребность въ болѣе вѣскомъ ударѣ по „Вѣхамъ“. И вотъ „Русское Слово“ оповѣстило, что „у Л. Н. Толстого есть свое слово по этому поводу, которое онъ хочетъ высказать“, а чрезъ десять дней оно же заявило, что „Л. Н. рѣшилъ не печатать своей статьи“ („Р. Сл.“ 12-го и 21-го мая 1909 г.)!.. Тогда пришлось взяться за „короля новопутейцевъ“ Д. С. Мережковскаго. Въ петербургскомъ религіозно - философскомъ собраніи состоялся докладъ г. Мережковскаго. По правдивому заявленію В. В. Розанова, г. Мережковскій явился не безпристрастнымъ критикомъ „Вѣхъ“, а просто „престидижитаторомъ“, который, „при хохотѣ зала, пиналъ авторовъ „Вѣхъ“ ногами, билъ дубьемъ,— безжалостно, горько, мучительно. Весь тонъ былъ невыносимо-презрительный, невыносимо высокомѣрный“!.. И ушелъ г. Розановъ въ убѣжденіи, что выступленіе г. Мережковскаго было просто *„нечистое дѣло“* („Новое Время“ 27-го апрѣля, 1909 г.)!..

Но это были только цвѣточки; ягодки же преподнесла Москва. Нѣкто Ф. Мускатблитъ выпустилъ книжку, до 200 стр., подъ заглавіемъ: **„По вѣхамъ“**. Изданная въ разгаръ споровъ о „Вѣхахъ“ и подъ кричащимъ заглавіемъ: **„По вѣхамъ“**,—эта книга жадно раскупалась. Всѣ думали въ ней найти самый тяжелый ударъ по „Вѣхамъ“! И что же оказалось? Уже не жонглерство г. Боборыкина и не „престидижитаторство“ г. Мережковскаго, а самое недобросовѣстное „гешефтмахерство“!.. Вся книга представила собою перепечатку *старыхъ*, написанныхъ задолго до „Вѣхъ“, статей: гг. Боборыкина, Милюкова, Винавера, Минскаго, Левина и др., при чемъ съ *„полнаго согласія* и даже болѣе—*сочувствія“* авторовъ этихъ статей!.. И вотъ, вмѣсто удара *„По вѣхамъ“* пришлось читать почти исключительно статьи въ защиту евреевъ и, главнымъ образомъ, по поводу нашумѣвшаго въ свое время „инцидента“ г. Чирикова!.. Только въ „Предисловіи“, опять-таки написанномъ въ защиту „угнетеннаго племени“, г. Мускатблитъ вскользь касается „Вѣхъ“, и то только для того, чтобы назвать ихъ „идеалистической кондитерской С. Н. Булгакова и К°, съ погромнымъ печеніемъ во вкусѣ г. Гершензона!“..

Такъ „лучшіе элементы русской общественности“, говоря словами „московской исторической комиссіи“, въ „самоотверженномъ и неустанномъ стремленіи къ высокимъ соціально-политическимъ идеаламъ“, завершили свой походъ противъ „Вѣхъ“! Яркая и поучительная картина жалкаго моральнаго и умственнаго паденія нашей „освободительной интеллигенціи“!..

VI.

Но что же такое „Вѣхи“ по своему существу? „Вѣхи“—это, безъ преувеличенія, погребальный звонъ надъ „богоборческимъ“ міровоззрѣніемъ современной русской интеллигенціи en masse. „Бѣдная русская мысль!—восклицаетъ въ „Вѣхахъ“ Н. А. Бердяевъ.—Какихъ только блюдъ не подаютъ голодной русской интеллигенціи, и все она пріемлетъ, всѣмъ питается!..“ Сознавъ ненормальность такого „питанія“, авторы „Вѣхъ“ задались цѣлью *критически* [1]) отнестись къ духовнымъ основамъ нашей интеллигенціи. И на этомъ пути они прежде всего столкнулись съ „русской революціей“.

„Русская революція,—пишетъ въ „Вѣхахъ“ С. Н. Булгаковъ,—была интеллигентской. Руководящимъ духовнымъ двигателемъ ея была наша интеллигенція, со своимъ міровоззрѣніемъ, навыками, вкусами, даже соціальными замашками... Она была нервами и мозгомъ гигантскаго тѣла революціи. Въ этомъ смыслѣ революція есть духовное дѣтище интеллигенціи, а слѣдовательно, *ея исторія есть историческій судъ надъ интеллигенціей*“ [2]).

„Революція 1905—6 гг., по заявленію „Вѣхъ“, и послѣдовавшія за нею событія явились какъ бы всенароднымъ испытаніемъ тѣхъ цѣнностей, которыя болѣе полувѣка, какъ высшую святыню, блюла наша общественная мысль. Отдѣльные умы уже задолго до революціи ясно видѣли ошибочность этихъ духовныхъ началъ, исходя изъ апріорныхъ соображеній“. Но „пораженіе революціи“ имѣло громадное

---

[1]) И вотъ за эту попытку авторы „Вѣхъ“ подверглись неистовой травлѣ со стороны „освободительной интеллигенціи!..“ Яркій образчикъ „свободы совѣсти и слова!..“

[2]) Курсивъ здѣсь и ниже мой.

значеніе: оно, во-первыхъ, глубоко потрясло всю массу интеллигенціи и вызвало въ ней потребность сознательно провѣрить самыя основы ея традиціоннаго міровоззрѣнія, *которыя до сихъ поръ принимались слѣпо на вѣру*; во-вторыхъ, подробности событія, т.-е. конкретныя формы, въ какихъ совершились революція и ея подавленіе, дали возможность тѣмъ, кто въ общемъ сознавалъ ошибочность этого міровоззрѣнія, яснѣе разумѣть грѣхъ прошлаго и съ большей доказательностью выразить свою мысль".

И вотъ къ какой основной мысли, красной нитью проходящей чрезъ „Вѣхи", пришли авторы „Вѣхъ": *„внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человѣческаго бытія; она, а не самодовлѣющія начала политическаго порядка, является единственно-прочнымъ базисомъ для всякаго общественнаго строительства*. Съ этой точки зрѣнія идеологія русской интеллигенціи, всецѣло покоящаяся на противоположномъ принципѣ — на признаніи безусловнаго примата общественныхъ формъ,—представляется участникамъ книги внутренно-ошибочной, т.-е. противорѣчащей естеству человѣческаго духа, и практически - безплодной, т.-е. неспособной привести къ той цѣли, которую ставила себѣ сама интеллигенція,—къ освобожденію народа".

Какъ видимъ „Вѣхи" рѣшительно повернули отъ „мундирно-Петровскаго" и „фрачно - соціалистическаго" преобразованія Россіи къ евангельскому строительству, къ насажденію правды Царствія Божія прежде всего въ душѣ русскаго народа, во внутреннемъ индивидуума. Это *подлинный* путь Гоголя, Достоевскаго и В. Соловьева.

Лѣтъ 30 тому назадъ господствовавшее тогда матеріалистически - позитивное воззрѣніе на человѣка привело лучшихъ сыновъ Россіи къ „томленію духа", вызвало у нихъ „міровую скорбь" объ утраченномъ внутреннемъ идеалѣ и завершилось громкою проповѣдью Л. Толстого въ защиту нравственнаго смысла жизни людей. Къ глубокому прискорбію, эта проповѣдь явилась оторванной отъ своего евангельскаго источника и повела къ печальнымъ результатамъ. Но въ ней все же остался цѣннымъ фактъ протеста, реакціи противъ самоцѣнности внѣшняго человѣка, его „культуры плоти", въ защиту краеугольнаго камня человѣческаго благополучія—это культуры его „духа".

И вотъ снова господство надъ духовными сокровищами человѣка уже новаго „кумира“,—соціалистическаго „сытаго желудка“, съ его „борьбою за власть“, чѣмъ ярко запечатлѣно все наше „освободительно революціонное движеніе“ и его дѣтище—государственная дума,—вызвало въ наиболѣе чуткихъ къ правдѣ сердцахъ горячій протестъ. Явились „Вѣхи“. И что всего отраднѣе, такъ это стремленіе „Вѣхъ“ смиренно стать подъ сѣнь *подлиннаго* Евангелія, а не самочиннаго, какъ сдѣлалъ Л. Толстой, и стать *искренне*, а не съ коварнымъ лицемѣріемъ „новопутейцевъ“. Отсюда—недалеко и до возвращенія въ нѣдра Церкви Христовой. Пелена жестоковыйности какъ-будто уже спадаетъ съ сердца авторовъ „Вѣхъ“; устами своего вождя С. Н. Булгакова они дерзновенно исповѣдываютъ, что, *душевными навыками, воспитанными Церковью, объясняется и не одна изъ лучшихъ чертъ русской интеллигенціи, которыя она утрачиваетъ по мѣрѣ своего удаленія отъ Церкви*“... Уже раздается справедливый и грозно-любящій приговоръ, что „интеллигенція отвергла Христа, отвернулась отъ Его лика, исторгла изъ сердца своего Его образъ“ и тѣмъ „лишила себя внутренняго свѣта — жизни, и платится, вмѣстѣ со своею родиной, за эту измѣну, за это религіозное самоубійство!..“ Христосъ стоитъ и „стучится въ это сердце, гордое, непокорное, интеллигентское сердце“. И вѣримъ, что скоро всѣ Савлы русской интеллигенціи услышатъ зовъ Христа и вострапезуютъ съ Нимъ въ сердцѣ своемъ. А Іуды русской интеллигенціи будутъ довершать мѣру нечестія своего удавившагося праотца... И, это понятно, изъ Савла будетъ Павелъ, а изъ Іуды никогда!..

И. Айвазовъ.

Имѣются въ продажѣ слѣдующія сочиненія И. Г. Айвазова.

(*Москва. Б. Тверская-Ямская 48. кв. 7. Телеф. 172-76*).

1. Новая вѣроисповѣдная система Русскаго Государства. Изд. 2-е. Ц. 20 к. съ перес. 25 к.
2. Къ думскому законопроекту о „старообрядческихъ" общинахъ.—Ц. 15 к., съ перес. 20 к.
3. Православная Церковь и высшія Государственныя Учрежденія въ Россіи. Ц. 35 к., съ перес. 40 к.
4. Великій штурмъ Церкви. Ц. 25 к., съ перес. 30 к.
5. Религіозная правда Русскаго Самодержавія, въ связи съ воцерковленіемъ человѣческой жизни.—Изд. 3-е. Ц. 25 к., съ перес. 30 к.
6. Власть Русскаго Царя. Ц. 20 к. съ перес. 25 к.
7. Къ вопросу о смертной казни. Изд. 3-е. Ц. 25 к. съ пер. 30 к
8. Христіанская Церковь и современный соціализмъ. Изд. 4-е. Ц. 20 к. съ пер. 25 к.
9. Программа для преподаванія свѣдѣній по обличенію соціализма. Изд. 3-е. Ц. 15 к. съ пер. 20 к.
10. Кто такой Л. Толстой. Изд. 6-е. Ц. 5 к. съ пер. 10 к.
11. Религіозныя скитанія русской интеллигенціи нашего времени. Изд. 4-е Ц. 35 к. съ пер. 40 к.
12. Проблема свободы въ философіи Канта. Ц. 20 к. съ пер. 25 к.
13. Критическій обзоръ матеріалистическихъ теорій противъ субстанціальности души. Ц. 25 к. съ пер. 30 к.
14. Русское сектантство. Изд. 3-е. Ц. 30 к. съ пер. 35 к.
15. Миссіонерская полемика. Изд. 3-е. Ц. 20 к. съ пер. 25 к.
16. Внутренняя миссія въ Тамбовской епархіи. Ц. 35 к. съ пер. 40 к.
17. Бесѣда съ сектантами о субботѣ и воскресномъ днѣ. Изд. 4-е. Ц. 30 к. съ пер. 35 к.
18. Орловскій Миссіонер. съѣздъ, въ связи съ вопросомъ о свободѣ совѣсти. Ц. 75 к. съ пер. 1 руб.
19. Обновленцы и староцерковники. Ц. 75 к. съ пер. 1 руб.
20. Къ диссертаціи Д. Коновалова: „Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ". Ц. 40 к. съ пер. 45 к.
21. Власть и положеніе римскаго епископа въ Церкви по св. Василію Великому. Изд. 2-е. Ц. 25 к. съ пер. 30 к.
22. Высокопреосвященный Владиміръ, Митрополитъ С.-Петербургскій. — Ц. 15 к., съ перес. 20 к.
23. Прощаніе высокопреосвященнаго Владиміра, митрополита Петербургскаго, съ Московскою Церковью. Ц. 40 к. съ перес. 50 к.
24. Храмъ Божій. Изд. 3-е. Ц. 5 к. съ пер. 7 к.
25. Не пожелай чужаго. Изд. 3-е. Ц. 1 к.
26. Къ свободѣ. Изд 3-е. Ц. 1 к.
27. Къ Солдатамъ. Изд. 3-е. Ц. 1 к.
28. Что читать? Ц. 1 к.
29. Обличеніе русскихъ сектантовъ. Изд. 2-е. Ц. 3 к.
30. О Словѣ Божіемъ или объ источникахъ христіанскаго вѣроученія. Изд. 2-е. Ц. 3 к.
31. Бесѣда съ сектантами о Св. Писаніи и Св. Преданіи. Изд. 2-е. Ц. 5 к.
32. Бесѣда съ сектантами о Крестѣ Христовомъ. Изд. 2-е. Ц. 3 к.
33. Бесѣда съ сектантами о Таин. св. Причащенія. Изд. 2-е. Ц. 5 к.
34. Бесѣда съ сектантами о водномъ крещеніи. Изд. 2-е. Ц. 5 к.
35. Бесѣда съ сектантами о водномъ крещеніи. Изд. 2-е. Ц. 2 к.
36. Откуда въ Церкви Христовой разныя секты и Бесѣда съ сектантами о крещеніи, причащ. и храмѣ. Изд. 2-е. Ц. 5 к.
37. Бесѣда съ сектантами о крещеніи младенцевъ. Изд. 2-е. Ц. 3 к.
38. Бесѣда съ сектантами о крещеніи младенцевъ и о св. причащеніи. Изд. 2-е. Ц. 5 к.
39. Бесѣда съ хлыстами объ Іисусѣ Христѣ. Изд. 2-е. Ц. 2 к.
40. Московскіе сектанты. Изд. 2-е. Ц. 2 к.
41. Московскіе братцы.—Изд. Бр. В. Хр.—Изд. 3-е. Ц. 10 к.
